

кирилл
рябов

18+

Содержит
нецензурную
брань

дирижабль

Кирилл Викторович Рябов
Дирижабль
Серия «Во весь голос»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70298818
К. В. Рябов. Дирижабль: ИД «Городец»; Москва; 2023
ISBN 978-5-907762-05-3

Аннотация

Новый роман Кирилла Рябова – пронзительная история о мучительной любви и пагубной зависимости, ведущих душу художника по современным станциям крестного пути через мрачный, мистический город.

Содержит нецензурную брань

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	9
3	14
4	20
5	24
6	30
7	36
8	46
9	54
10	60
11	64
12	70
13	75
14	84
15	93
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Кирилл Рябов

Дирижабль

© Рябов К. В., 2023

© ИД «Городец», 2023

* * *

Часть первая

1

Пропустив толпу пассажиров, Фёдор встал за колонну, допил коньяк и осторожно опустил бутылку в железную урну. Она чуть слышно звякнула. Он достал сигареты, заметил взгляд проводницы. Попробовал подмигнуть ей, но получилось криво, будто рожу скорчил. Добродушно хмыкнув, она отвернулась.

«Красивая», – подумал Фёдор.

Кто-то ведь обнимает ночами ее теплое, белое, мягкое тело, держит руку на сиське, легонько сжав сосок между указательным и средним пальцем. Он физически это ощутил. И даже взглянул на ладонь. Увидел лишь лейкопластырь. Поранился ночью, когда отрезал ломтик лимона на закуску. Сосед по СВ недовольно сопел. Фёдор налил ему. И тот стал добрый. Рассказывал какую-то чушь про внучку, к которой едет в гости.

«Нужен ты ей», – злобно и пьяно подумал Фёдор.

Сосед вскоре уснул. И громко проперделся во сне.

Осмотрев на прощание колени проводницы, Фёдор поднял сумку, вышел из-за колонны и заметил Карцева. Тот шагал по перрону, крутя головой. Увидел Фёдора, заулыбался

и заранее вытянул руку, будто слагбаум. Так и шел метров пятнадцать, что их разделяли.

– Федя, здравствуй! – сказал он.

Вцепился Фёдору в ладонь и долго тряс. Потом выхватил у него сигарету изо рта, огляделся и сунул окурочок в пустую банку из-под энергетика.

– Здесь нельзя курить! Мигом штраф нарисуют. Идем, моя машина на стоянке.

Они зашли в здание вокзала.

– Как добрался? Устал?

– Да нормально, – пожал плечами Фёдор.

– Сейчас приедем, выпьем, поедим, – сказал Карцев немного рассеянно. Он огляделся. – Да едри твою мать, где тут выход к стоянке? Что за идиотский вокзал?!

Побродив, они свернули в какой-то темный коридор, долго шли по нему и уперлись в массивную дверь с табличкой «Вход запрещен».

– Прекрасно! – сказал Карцев. – А если бы мы бежали от пожара? Как спастись?

Он злобно стукнул в дверь кулаком. Под потолком замигала красная лампочка.

– Валим!

Они вернулись в зал. Пассажиров было немного. Время приближалось к полуночи. Фёдор два раза икнул. В горле стоял горючий привкус, как от дешевого самогона.

«Надо было водку брать», – подумал он.

Мимо прошла высокая девушка в короткой юбке, с тонкими и длинными, будто макароны, ногами.

– Вот это дичь! – жарко прошептал Карцев. – Я бы в нее так выстрелил! Погоди-ка.

Он побежал следом, что-то говорил на ходу, показывая почему-то на Фёдора. Девушка продолжала идти, не оглядываясь. Карцев замедлился, отстал и вернулся.

– Ладно, сама не знаешь, что потеряла. Идем сраную стоянку искать.

– Что ты ей сказал? – спросил Фёдор.

– Ну что я ей сказал?! Что ты знаменитый писатель. Но очень стеснительный. Что ты влюбился в нее с первого взгляда. А подойти не решаешься. Зря распинался. Эта пизда наверняка и читать не умеет.

– Почему же ты не сказал ей, что ты знаменитый кинорежиссер? Кино-то она смотрит?

– Тик-токи она смотрит, – проворчал Карцев. – Идем.

Сонный полицейский, похожий на подростка, щуплый и лопоухий, объяснил им, как выйти на стоянку. Фёдору хотелось хлопнуть его по плечу и спросить: «Устал, сынок?»

Коньяка не хватило. А то бы так и сделал. Потом, наверно, сидели бы с Карцевым в обезьяннике.

– Жень, у тебя водка есть? – спросил он, когда вышли на стоянку.

– Конечно, у меня есть водка, – ответил тот. – Ты совсем меня за придурка держишь? Так, где машина, суки?

Карцев снова крутил головой. Фёдор похлопал его по спине.

– Чего нервничаешь? Вон она. – И показал на черный БМВ.

– Да ну тебя! А, вон моя ласточка.

Чуть дальше стояла серая «Лада-Калина».

– Выпить уже хочется, – сказал Карцев, усевшись за руль. – Вот и нервничаю.

Фёдор разглядывал в окно ночной Петербург. Промелькнула банальная мыслишка: «Ну, здравствуй еще раз». Город не ответил. Последний раз Фёдор приезжал сюда четыре с лишним года назад. Его роман «Колесо обозрения» вышел в финал премии «Национальный бестселлер». Критики записали Фёдора в явные фавориты и прочили победу. Он и сам в это поверил. Но жюри не присудило книге ни одного балла. В какой-то момент Фёдору стало мерещиться, что гости, собравшиеся на церемонию, смотрят на него с насмешкой. Хотелось стать волком и вцепиться им в глотки.

Выиграл писатель Каргополов с романом «Чудень». Он выбежал на сцену и стал отплясывать вприсядку. Сидящий рядом с Фёдором писатель Сельдин пробормотал:

– Мудень!

Потом был традиционный фуршет. И Фёдор пил как не в себя. Подходили знакомые, вроде утешали. Кто-то сказал:

– Все мы знаем настоящего победителя.

И Фёдор пил еще сильнее. Потом блевал в туалете для инвалидов, схватившись за поручень рядом с унитазом. Умывшись, снова охотился за водкой. Но водку всю выпили. Пришлось заливаться белым сухим вином. Он знал, что это ошибка. Но остановиться не мог. Мимо, ухмыляясь, прошла знаменитая критикесса Эльзана Круглова. Скользнула

по нему презрительным взглядом. Фёдор попытался шлепнуть ее по заднице, промахнулся и чуть не упал.

– Держитесь, Собакин, – сказала она.

У Фёдора возникла навязчивая идея отдавить Каргополову ногу. Топая, он носился по опустевшему залу, пугая официантов. Услышал краем уха:

– Может, милицию?

Откуда-то выплыл редактор Попцов, приобнял за талию.

– На воздух, на воздух.

И вывел на улицу.

Мелькали бары, в одном из которых потерялся бумажник. Попцов, похожий на чертика из табакерки, без остановки хихикал. Фёдор тянул руку к его лицу, намереваясь оторвать губы. Представил его оскаленного, удивленного и засмеялся сам. К утру чуть протрезвел. И стало не смешно. Ночной поезд уехал. А как мечталось, что поедет в нем, озаренный победой! Будет пить маленькими глотками французский коньяк (специально заранее купил бутылку, где она, кстати?), глядеть в окно на проносящиеся поля, леса, реки, деревни, полустанки и время от времени немножко усмехаться.

Проснулся он во второй половине дня в незнакомой квартире, с диким похмельем и ощущением полного краха. Пришел свеженький Попцов с чашкой кофе и сказал что-то по-французски.

«Пошел на хуй», – подумал Фёдор и схватился за большую голову.

А впрочем, Попцов опохмелил его, купил билет на следующий ночной поезд и вызвал такси. Спустя два дня прислал сообщение с суммой долга. Правда, включил туда лишь стоимость билета.

Фёдор вспоминал слова Эльзаны Кругловой. Они почему-то казались самыми обидными. Будто плевков в поверженного. Спустя примерно год Круглова написала убийственную рецензию на его новый роман «Контроль». И та ее фразочка показалась ласковой и заботливой. Никто, как обычно, особого внимания на рецензию не обратил. Но Фёдор пару ночей не спал, мечтая, как будет отвешивать ей тяжелые оплеухи. И, может быть, сдерет с нее это дурацкое белое платье в черный горошек. А вот жена, теперь уже бывшая, была довольна. Фёдор всю неделю трахал ее особо свирепо. Но все равно через восемь месяцев ушла к владельцу сети уличных биотуалетов.

Карцев отвлек от неприятных воспоминаний. Демонстративно взглянув на часы, сказал:

– Вот и лето прошло! Ты чего такой кислый, Федь? Укачало?

– Немножко.

– Уже почти приехали. Знал бы ты, какой я тебе подготовил сюрприз!

Представилась голая женщина, обмазанная медом.

– Сегодня отдыхаем. Завтра заселяем тебя. Послезавтра начинаем работать.

«Я начинаю».

С Карцевым они познакомились лет восемь назад. Фёдор издал первый роман «Зверье», переехал в Петербург, снял однушку на окраине и сел за второй роман. Издатель торопил. Первая книга внезапно влетела в топы продаж, правда, промчалась мимо всех премий. Утонула в длинных списках. Но тогда это не так волновало. Фёдор чувствовал почти охотничий азарт. Писалось хорошо. Он завел юную любовницу, конечно, фанатку «Зверья». А потом пришло сообщение от кинорежиссера Евгения Карцева.

«Я экранизирую ваш роман!» – написал тот.

«Это прекрасно», – ответил Фёдор.

В этот момент фанатка делала ему минет.

Казалось, сама судьба повернулась к нему с широкой улыбкой и распахнула объятия. Но улыбка быстро превратилась в оскал. Его второй роман «Последствия» провалился. Фанатка ушла. Ей тоже не понравился роман. А Карцев так и не отыскал денег на фильм. Вскоре отказался от затеи и стал снимать сериал для телевидения.

Через полгода Фёдор из Петербурга уехал в родной городишко. Карцев не пропал. Время от времени присылал сообщения. Фёдор отвечал скорее от скуки. Завязалось что-то вроде дружбы. Карцев собирался экранизировать и второй роман. И снова не нашел денег. Потом была история с «Нацбестом». Карцев в это время был в Белоруссии, снимал какой-то сериал. Прислал сообщение: «Собакин, ты по-

бедишь!» Нострадамус хуев!

Месяц назад он позвонил:

– Федька, бросай все и гони в Питер! Беспроегрышное дело. Но ты мне нужен тут. Жилье есть, все есть. Сиди да пиши.

– Чего писать-то? – спросил Фёдор вяло.

– Сценарий! Главное, деньги я уже нашел. Получишь пару миллионов. Подробности на месте расскажу. Ноги в руки, руки в ноги и живо сюда! Я тебе билет купил. Аванс будет!

К этому моменту Фёдор три года ничего не издавал. И почти год ничего не писал. Устроился в районную библиотеку и очень редко подрабатывал экскурсиями по родному городу. Приезжих туристов было мало. А земляков захолустье не интересовало. Все мечтали свалить. Единственное утешение – завел статную и пылкую любовницу по имени Инна. Она работала школьным завучем. Прочитала два его романа. Фёдор подумывал о женитьбе. Вот только с деньгами было плохо. И тут как будто судьба снова спрятала оскал и подарила что-то вроде мимолетной улыбки.

Инна спросила:

– Так что, в Питер можем переехать?

– Давно пора, – ответил Фёдор.

И стал собираться.

3

Они приехали на северную окраину и остановились у жилого комплекса, который был похож на гигантский стеклянный гроб. Фёдор совсем протрезвел. Хотелось спать. Он вылез, закурил и передернулся всем телом. Карцев отошел в сторону и сделал десять приседаний. Колени его пощелкивали. Затем пять раз отжался. Фёдор пускал клубы отечественного дыма и смотрел.

– Крестец клинит, – сказал Карцев, выпрямившись. – Плечо ломит. Шею заедает. Ты бы, Федь, тоже размялся. С твоей сидячей работой иначе никак. Заржавеешь.

Фёдор поморщился:

– Идем уже выпьем.

Они поднялись на семнадцатый этаж. У Карцева была просторная трехкомнатная квартира, светлая и стерильная, будто хирургический кабинет. Фёдор осмотрелся, и ему вспомнилось слово «хай-тек». Неуютно. Но по сравнению с его двухкомнатной хрущевкой, окна которой выходили на замусоренный пустырь, – Эрмитаж.

– Я тебе дальнюю комнату подготовил, – сказал Карцев. – Можешь там переодеться. Если хочешь, в душ сходи. В шкафу полотенца есть.

Фёдор так и сделал. Переоделся, взял полотенце и забрался в душ. Стало полегче. Усталость и напряжение отступили.

Он немного подергал себя за член. Безуспешно. Толком не встало. В общем, не очень-то и хотелось.

Карцев накрыл стол. Достал из морозилки ноль семь водки и разлил в рюмки. Выпили банально за встречу. Фёдор закусил квашеной капустой. Есть тоже не хотелось.

– Я же сюрприз обещал, – спохватился Карцев. – Закрой глаза.

Фёдор улыбнулся:

– Да ну, чего...

– Закрой-закрой.

Он закрыл:

– Не подглядывать.

– Я не подглядываю.

Карцев с чем-то возился. И Фёдору представились две картины. В одной приятель замахивался молотком для отбивания мяса, собираясь раскрошить ему череп. В другой расстегивал ширинку и подносил к его губам член. И правда, запахло чем-то пряным, знакомым. Фёдор испуганно открыл глаза. Карцев держал перед ним тарелку с малосольными огурцами.

– Ну как? – спросил он.

Фёдор выдавил улыбку:

– Супер!

– Ага! А что я говорил? Быстро выпили и закусили вот этим!

Так и сделали.

– Я же помню, – сказал Карцев.

– О чем?

– Что ты по огурцам с ума сходишь.

«Разве?» – подумал Фёдор.

Но вслух сказал другое:

– Это точно!

– Не зря я мечтал стать фокусником. Ну, в каком-то смысле и стал им.

Карцев вздохнул, провел языком под нижней губой.

– Давай о деле поговорим.

– Давай.

– Есть человек. Богатый, как дьявол. Он дает деньги на фильм. Завтра отвезу тебя в квартиру бабушки Биби...

– Погоди, – сказал Фёдор. – Какая бабушка Биби?

Карцев лениво пожал плечами, как будто устал уже объяснять каждому встречному, кто такая бабушка Биби.

– Если быть точным, это моя двоюродная бабушка. Умерла два месяца назад. Квартира свободна. Очень живописное место, напротив Львиного мостика. Я подумал, ты там сможешь спокойно работать. В общем, увидишь, тебе понравится.

– Хорошо, – сказал Фёдор. – Ты говорил про аванс.

– Завтра позвоню олигарху и договариваюсь о встрече. Меня он знает. Хочет с тобой познакомиться. Он читал твои книги. Ты ему понравился. Он выдаст аванс. Ты пишешь сценарий. Когда закончишь, он платит тебе весь гонорар. Пред-

варительно договорились на два миллиона. Потом он дает деньги на фильм. Я запускаюсь. Точка. Такой план. Тебе нравится?

– Мне-то нравится, – сказал Фёдор. – А о чем сценарий?

– Откуда мне знать? – сказал Карцев, наливая. – Придумай. Ты же писатель, лауреат.

– Я не лауреат, – уточнил Фёдор.

– По недоразумению. Сам знаешь.

– Все это никого не волнует.

– Я думаю, у нашего инвестора могут быть какие-то личные пожелания. Человек он, я слышал, и сам творческий. Короче, на месте все выясним.

– Как его звать-то? – спросил Фёдор. – Может, я его знаю?

– Ты его точно не знаешь, – вдруг заревновал Карцев. – Панибратов Игорь Игоревич. Ну что, знаешь?

– Первый раз слышу.

– Вот. Потому что нашел его я!

– А если он не знает? – спросил Фёдор.

– Кого? Тебя? Он тебя не знает, но книжки, говорю, читал.

Я дал. Ему понравилось.

– Я не об этом. Если он сам не знает, чего хочет. Может, к «Зверью» вернуться тогда?

– Какому такому зверью?

– Роман мой. Ты снимать его хотел.

– Я? Да, помню. Но это сейчас неактуально. И потом, роман твой я и сам могу переписать в сценарий. Ты тогда зачем

приехал?

«Действительно».

– Сочинишь, – махнул рукой Карцев. – Не переживай.

– Я не переживаю.

– Тогда пьем.

К двум часам ночи они выпили бутылку и разошлись по комнатам. Фёдор лежал в темноте и улыбался. А потом перестал улыбаться. Он забыл написать Инне, что приехал. Это было плохо. Смартфон лежал на тумбочке. Фёдор зажег экран, проморгался. Двадцать восемь пропущенных вызовов, шестнадцать эсэмэс и наверняка под пятьдесят сообщений в телеграме. Он не стал открывать. И так догадывался, что там написано. Такое случалось не первый раз. Но надо было сдаваться. Водка добавила храбрости. Фёдор спрятался под одеяло и нажал вызов. Инна ответила после первого гудка. Точнее, приняла вызов и молчала.

– Инна, милая, это я. Я добрался, все хорошо, сейчас дома у Жени, – затараторил Фёдор. – Звук забыл включить...

Но слова вдруг слиплись в какой-то неразборчивый комок. А повторять не нашлось сил.

– Сейчас половина третьего ночи. Завтра первое сентября. Точнее, уже сегодня. У меня будет тяжелейший день. Я не спала. И уже точно не усну. Спасибо тебе, Федя!

Он начал что-то объяснять про сценарий, который обсуждали с Карцевым, про Панибратова, которого назвал Побратимовым, упомянул даже бабушку Биби, говорил про лю-

бовь, винился, укусил себя за руку и тут же об этом сообщил.

– Ты закончил? – спросила Инна.

– Да, но нет. Я ужасно виноват, я забылся...

– Я уже поняла, Федя, что для тебя выпивка с приятелем оказалась важнее. Ты просто расставил приоритеты. И выбрал не меня. Обсуждать тут нечего.

Фёдору показалось, что она сейчас заорет. Но Инна орать не стала.

– Спокойной ночи. Сладких тебе снов. Ты-то, конечно, уснешь без проблем. И это хорошо. Главное, счастье не пропусти.

Она отключилась. Фёдор не стал перезванивать. Это было бесполезно. Она бы и не ответила. Полежав немного, он отправил ей эсмэс:

«Я козелд».

А потом и правда очень быстро уснул.

Пьяный сон оказался недолгим. Открыв глаза, Фёдор сразу схватил смартфон и проверил время – начало девятого. Инна уже в школе. Скоро начнется линейка. Или уже началась? Он не помнил, во сколько начинается линейка. Да это было и не важно. Проверил эсэмэски – все старые. А чего он ждал? Что Инна ответит нечто вроде: «Ты никакой не козелд. Ты милый, нежный, ранимый мальчик». Почему, кстати, мальчик? Что еще за бред?

Фёдор открыл телеграм. Он не ошибся. Вчерашние сообщения сыпались, как камнепад. Читать их было больно. Еще Инна подправила настройки конфиденциальности. Теперь не было видно, когда она заходила последний раз. Это тоже проходили. Он написал «прости меня», отправил и положил смартфон на место, решив ближайшие несколько часов быть офлайн. Но не выдержал и минуты. Снова схватил, открыл, посмотрел, прочитала ли сообщение. Нет, не прочитала. Снова положил смартфон на место. От всех этих телодвижений разболелась голова и замутило.

По коридору прошлепали босые ноги. Фёдор немного полежал и вылез из-под одеяла. Карцев был на кухне, смотрел в холодильник.

– Надо подлечиться, – сказал он.

– А мне нормально, – ответил Фёдор, имея в виду лишь

похмелье.

Карцев отмахнулся:

– Ты моложе. Сколько тебе? Сорок?

– Сорок два.

– Ну вот. Перевалит за пятьдесят, почувствуешь разницу.

Он хлопнул дверью холодильника.

– Нет ничего. Все выпили. Ладно, тут магазин рядом.

– Рано же еще. Девяти нет.

И снова вспомнил Инну. Она, наверно, как раз занимается построением. Или что там делают завучи? Невыносимо захотелось позвонить.

– Мать твою! – сказал Карцев. – Два с хуем часа еще ждать!

– Погоди.

Фёдор вернулся в комнату, порывлся в сумке и достал шкалик коньяка. Проверил смартфон. Пусто. И его сообщение висело непрочитанным. Фёдор удалил его, чувствуя сладкую злость.

«И хрен с тобой», – подумал он.

Потом вспомнил, как Инна, подобрав юбку, сидела на корточках и насаживалась на его член. Прямо перед отъездом. Устроила ему проводы. Лицо ее было сосредоточенным. Его собственное лицо, казалось, вот-вот лопнет. Он стискивал зубы и представлял отрубленные головы и кучи вырванных глаз, чтобы продержаться подольше.

Снова написал «прости меня», отправил, испуганно отло-

жил смартфон и вернулся на кухню.

Увидев коньяк, Карцев сказал:

– Спаситель! Будешь?

– Мне терпимо.

– А говорил, нормально. Разделим?

– Ладно, давай.

Карцев разлил в рюмки подрагивающей рукой.

– Как котенку, епт, – сказал он, глядя на свою дозу.

Выпили, не чокаясь. Карцев нахмурился:

– Любви хочется. А где найти?

– Надо ли?

– Без любви – не жизнь.

– А от любви охота удавиться. Ты любишь, тебя не любят.

Тебя любят, ты не любишь. И в обоих случаях чувствуешь себя скотом.

– Ну не всегда же так, – сказал Карцев.

– Кому-то везет, конечно.

– Если хочется удавиться, это не любовь.

– Что же?

– Болезненная зависимость.

– Еще хуже.

– Так хочется-то как раз любви, чистой и светлой.

– Бывает такая?

– Должна быть. Иначе никак. В чем смысл? Получается, и жить незачем, если без любви. Когда уже все откроется, еби его мать?!

Карцев раздраженно посмотрел на голое запястье.

– Может, еще поспим? – спросил Фёдор.

– Да какой сон теперь?!

Но посидев немного, они разошлись по комнатам. Фёдор проверил смартфон. Отвернулся к стенке. Глаза закрылись. Задремав, он увидел короткий сон, в котором ехал в старой ванне с горнолыжного склона. Взлетев над обрывом, Фёдор резко проснулся. Он вспотел. Сердце колотилось.

«Зря я приехал», – подумал внезапно.

Немного полежав, потянулся к смартфону, но отдернул руку. В комнату заглянул Карцев.

– Одиннадцать почти.

– Ага.

Фёдор слез с кровати и стал одеваться.

Стоя у подъезда этого гроба, он курил и ждал Карцева. Тот убежал в «Магнит». День выдался пасмурный и прохладный. Что ж, начало осени. А в его городишке какая сегодня погода, интересно? Он заглянул в смартфон. Там еще лето, плюс двадцать, солнечно. Убеждая себя, что ему все равно и это просто любопытство, Фёдор проверил сообщения. Инна прочитала его извинения и ничего не ответила. За ушами стало жарко. Он погасил экран и сунул смартфон в карман. И это любовь?

Карцев вернулся с плоскариком ноль двадцать пять «Архангельской». Открутил пробку и протянул. Фёдор сделал три глотка.

– За тебя, – пробормотал Карцев и сделал один большой глоток.

Прослезился, улыбнулся и вытер пальцами нос.

– Вести сможешь? – спросил Фёдор.

– Федь, ты чего! Я же не совсем ебанько. Сейчас такси вызовем.

Когда прикатила черная «киа», плоскарик был опустошен и выброшен в урну. Карцеву заметно похорошело. Фёдор чувствовал лишь горечь и обиду. Они залезли в салон. Водитель сверился с навигатором:

– Канал Грибоедова?

Это был пожилой мужчина с лысой головой и пушистыми усами.

– Именно так, Александр Яковлевич, – хмыкнул Карцев.

– Я не Александр Яковлевич, – ответил таксист. – Ошибочка вышла. Я Юрий Иосифович.

– Не обижайтесь, дружище, это была маленькая несмешная шутка, – сказал Карцев. – Мы юмористы.

– А, понятно.

Помолчав, он добавил:

– Сам в молодости в КВН выступал. Слышали шутку про «темно, как у негра в жопе»? Я придумал. Думаю, где-нибудь в Америке на одной этой шутке стал бы миллионером.

– В Америке за такую шутку вы бы стали бомжом, – сказал Карцев. – А может, и в тюрьму бы сели. Да, Федь?

– Не знаю, – сказал Фёдор. – Я там не бывал.

– Мало взял, – вздохнул Карцев. – Жаль.

– В рюмочную зайдем.

Спустя несколько минут тишины Юрий Иосифович спросил:

– Щенками интересуетесь?

– Это тоже какая-то шутка времен КВН? – отозвался Карцев.

– Да нет же. Я заводчик. Продаю щенков мопса. Не хотите?

– Я больше кисок люблю, – сказал Карцев. – Двуногих таких, знаете?

– Подумайте. Будете приходиться домой, и собака вас всегда будет встречать. Даже жена не всегда. А собака всегда.

– Так вот она, любовь? – спросил Карцев. – Мы ее нашли?

– Получается, так, – заулыбался Юрий Иосифович. – У меня как раз свежий помет.

– Что, простите?

– Жанночка на прошлой неделе оценилась.

– Жанночка?

– Да, так зовут нашу старшую маму. Запишите.

– Имя? Или про помет?

– Мой номер. – Он продиктовал. Добавил: – Юра Мопсы.

– У меня был знакомый с похожей фамилией, – сказал Карцев.

– Тоже заводчик?

– Скорей коллекционер. Собирал венерические заболевания.

– Зачем вы так?! – обиделся вдруг таксист.

Он высадил их у Львиного мостика. Фёдор закурил, усилием воли удержал руку, готовую вытащить смартфон. Карцев показал на дом:

– Тут будешь жить и работать. Последний этаж. Окна прямо сюда выходят.

Он помахал окнам последнего этажа. Фёдору стало не по себе.

– В рюмочную идем?

– Он еще спрашивает!

Они обошли дом, спустились в подвальчик. Посетителей не было. Фёдор сел за первый попавшийся стол. Карцев потоптался у стойки и вернулся с графинчиком водки и бутербродом с селедкой. Чокнулись, выпили. Бутерброд не тронули.

– Между прочим, пока ты спал, я написал Панибратову. Завтра он с нами встретится.

– Здесь? – спросил Фёдор.

– Здесь, конечно, хорошее место, – сказал Карцев. – Правда, в прошлом году тут зарезали человека. Мы поедем к нему в офис. Готовь речь.

– О чем?

– Придумай. Он хочет поговорить с тобой. Все-таки вложиться собирается по-серьезному.

– Он же книжки мои читал. Там все есть.

Карцев высунул язык и издал постыдный звук.

– Федь, не будь маленьким. К тому же у тебя там такие сцены...

– Какие?

– Например, где персонаж мочится любовнице в рот.

– Жень, ты чего?! Я такого никогда не писал.

– А в жизни делал? – спросил Карцев. И засмеялся. – Ладно, ладно. Шучу. Я же и правда чуть юмористом не стал в молодости. Писал комические куплеты, сатиру всякую сраную. Меня даже в КГБ вызывали. Хорошо, Горбачёв их уже прижал тогда. Ничего мне не сделали.

Выпили еще по рюмке.

– Ты чего такой напряженный? Будто палку проглотил. Надо расслабиться. А то Панибратов станет тебя спрашивать, а ты заикаться начнешь. Ты должен, Федь, показать ему, что напишешь лучший сценарий всех времен и народов.

Фёдор пожал плечами:

– Попробую.

Мимо окна на карачках полз забулдыга, увидел пьющих и прилепился к стеклу носом. Карцев отсалютовал ему рюмкой и выпил.

«Сейчас припрется», – подумал Фёдор и даже почувал отдаленный запах немывтого тела.

Но забулдыга не пришел.

– Подумай, Федь, правда. Ладно, допиваем и идем заселяться.

Они допили. Вот только перед тем как выйти, Карцев принес еще водки. Фёдор сидел скособочившись. В какой-то момент он обнаружил, что рассказывает про Инну. Точнее, жалуется. Замолчал и подумал: «Мужик, когда про бабу говорит, всегда или жалуется, или восхищается. Только так».

– А иногда, – сказал Фёдор, – она такое вытворяет, у меня крыша уезжает. Я себя богом чувствую. И не только про секс речь, понимаешь?

– То богом, то говном? – уточнил Карцев. – Но, Федь, это точно не любовь. Давай еще по сотке?

Наконец они выбрались из рюмочной и вернулись к Льви-

ному мостику. Фёдор закурил и увидел, что Карцев бежит кругами.

– Где ключи, суки?! Ключи забыл!

Пока он носился на заплетающихся ногах и размахивал руками, Фёдор достал смартфон, подавил желание посмотреть сообщения и сфотографировал себя на фоне каменной лавины задницы.

– Нашел, блядь! – окликнул Карцев. – Попиздовали!

Фёдор проснулся в полумраке и некоторое время лежал, глядя на серый квадрат окна и вдыхая незнакомый запах чужого жилища. Голова трещала. Рот сохся. И ужасно хотелось в туалет. Он слез с кровати и пошел его искать, попутно шаря руками по стенам, нащупывая выключатель. Шуршали старые обои. Под ногами визгливо скрипел паркет. Фёдор зажег в коридоре тусклую желтоватую лампочку, висящую на проводе под высоким потолком. У двери валялась сумка. Куртка, впрочем, висела на вешалке.

Туалет оказался чуть меньше комнаты в его родной хрущевке. Унитаз был старый, в ржавых разводах. Над ним нависал квадратный бачок. На полу лежал журнал «Нева». Фёдор потянул веревочку, свисающую с бачка. В унитаз хлынула вода, запахло болотом. Зайдя в ванную, он умылся. На краю раковины лежал заскорузлый обмылок. Больше никаких помывочных принадлежностей не нашлось. После ванной он заглянул на кухню. Несмотря на то что помещение было внушительных размеров, ничего интересного там не обнаружилось. Стол, три стула, старый холодильник. Он оказался выключен. И пустой, конечно.

Было две больших комнаты. Те же непривычно высокие потолки, лампочки на проводах, старая мебель. В дальней комнате камин, задвинутый деревянным щитом, массивный

книжный стеллаж. Фёдор бегло осмотрел корешки. В основном классика, русская и зарубежная, изданная давным-давно, скорее всего, до его рождения. Какие-то научные книги. Попытался прочитать названия, но похмелье помешало.

Фёдор вернулся в комнату, где спал. Кровать была застелена лишь покрывалом. Он сел, достал смартфон. Семь часов вечера. Пропущенных вызовов не было. Он позвонил Карцеву. Тот не ответил. Фёдор смутно помнил, как заселился. Хотя и вспоминать особо было нечего. Карцев завел его, что-то объяснял, показывал, кажется, комнаты и санузел, а потом вызвал такси и ушел. Фёдор же плюхнулся на кровать и поплыл по тошнотной реке.

«Зачем пил?» – привычно подумал он, растирая ладонью набрякшее лицо.

Ответа, как всегда, не было. Да и вопрос через пару секунд где-то растворился.

Перезвонил Карцев.

– Проснулся? – спросил он довольно бодрым голосом.

– М-да, – ответил Фёдор.

– Устраивайся, отдыхай. Завтра я за тобой заеду к часу.

А встреча у нас в два.

– Жень, а что ты мне еще говорил?

– Когда?

– Днем. Когда мы в квартиру пришли.

– Думаешь, помню? Показывал, наверно, где что.

– А где тут что?

– Ну поройся там в комодах, шкафах. У бабушки Биби должны быть подушки, одеяло, белье. Она очень чистоplotная была. Не думай. Даже с бзиком. Когда пандемия эта ебу-чая началась, она в противогазе ходила. Жаловалась, что он ей волосы дерет, когда с головы стаскивает.

– Ладно. Разберусь.

– Там магазин недалеко от рюмочной. У тебя деньги есть?

– Немного есть.

– Отлично. Завтра добавят. Да, в рюмочную не ходи. Если хочешь полечиться, купи малька и пей дома. Сам видел, как там сидится хорошо и долго.

Фёдора замутило от мыслей о водке.

– Не буду вообще пить.

– Нет, ты полечись. Но в меру. Завтра должен быть как огурец. Но не те, которыми я тебя угощал, а свежий.

– Так и будет, – пообещал Фёдор.

– Спокойной ночи, сладких снов!

В ящиках комода он и правда нашел стопки чистого и выглаженного белья. Вытащил полотенце и пошел в душ. Вода пахивала канализацией. Фёдор поскоблится обмылком, вдруг заметил прилипшие к нему длинные седые волосы и с отвращением бросил под ноги. Показалось, что один волос забрался в рот. Фёдор долго плевался, а потом его вырвало. Насчет лечения Карцев, пожалуй, был прав.

После душа Фёдор сунул в карман куртки бумажник и спустился на улицу. Потихоньку темнело. На освещенном

желтыми фонарями Львином мостике целовалась влюбленная парочка. Он почувствовал небольшую зависть и печаль. С Инной тоже начиналось все замечательно. Сплошная романтика. Лучший секс. Обоюдные признания в любви. А потом что-то неуловимо изменилось. Он больше не чувствовал себя сильным. Часто боялся ее. Настроение у Инны менялось постоянно. Иногда она превращалась в фурию и сжигала его в пепел. Например, вычитав в романе «Зверье» сцену, где главный герой держит на руках любимую женщину и шепчет, что будет любить ее вечно, Инна примчалась поздним вечером к Фёдору домой и с порога швырнула книжку ему в лицо. Он попятился, держась за ушибленный нос.

– Кто эта проблядь? – заорала Инна. – Кому ты клялся в вечной любви?

– Да нет никого, – закричал он в ответ. – Это просто роман! Я все придумал!

– Рассказывай это безмозглым! Как ее зовут? Почему ты на ней не женился, раз клялся вечно любить?

– Да потому что нет ее! Это выдумка.

Инна умчалась на кухню. Он слышал ее брань. Потом что-то разбилось. Как потом оказалось – его любимая чайная кружка.

– Я этой бляди кишки выпущу! – выла Инна.

Он боялся к ней выйти. Ведь на кухне в ящике стола лежали ножи. Инна пришла сама.

– Клянись, что ее нет! – сказала она.

– Да клянусь! – крикнул он и стукнул себя кулаками в грудь.

– Не так! На коленях.

И он встал на колени посреди малюсенькой прихожей, в жижу от подтаявшего снега, и клялся, что все, что он написал, – плод его воображения. А она ответила:

– Не знаю, Федя, не знаю. Ты наверняка хитришь.

Вышла, хлопнув дверью, а он продолжал стоять, чувствуя себя жалким и несчастным. Потом не мог уснуть всю ночь, писал ей что-то, а она сухо отвечала с большими паузами.

«Значит, все кончено?» – написал он.

Инна не ответила. А на следующий вечер вошла в его квартиру в шубе на голое тело, скинула ее, встала на колени, расстегнула Фёдору ширинку.

Шептала:

– Накажи меня, накажи меня, Федя, ты можешь со мной делать все что захочешь.

Через пару дней подарила ему дорогой чайный сервиз.

Таких историй за пару лет накопилось с лихвой. И все равно каждый раз, когда случалась ссора, Фёдор чувствовал себя непростительно виноватым и был уверен, что Инна больше никогда не вернется. Как и сейчас. Но, конечно, он виноват. А она права. И какой черт ему замутил разум?! Заставив забыть написать ей короткое сообщение, что он добрался. Коньяк? Что же еще. Ну и волновался, конечно, возвращаясь в этот недружелюбный город. Слабое оправдание. А Ин-

на, молодая и красивая женщина, сексуальная, умная, легко сможет найти ему замену. Мужики выстраиваются за ней в очередь. Коллеги противоположного пола не дают прохода. Незнакомцы заваливают сообщениями в соцсетях. Не говоря уж про фотографии членов. Кто-то инкогнито присылает ей цветы, вино, корзины с фруктами. Она ему рассказывала о каждом таком случае. И добавляла, что любит только его одного, а он не ценит. Фёдор каждый раз готов был содрать с себя кожу и бросить к ее ногам, чтобы доказать свою любовь и верность. Физически он не был на такое способен. Словам же, кажется, она не особо верила.

Пройдя мимо рюмочной, Фёдор зашел в магазин и купил все необходимое: продукты, средства для мытья тела, посуды и сантехники, канистру питьевой воды и шкалик «Талки». Посчитав, кассирша лишила его половины денег.

– Спасибо, – сказал Фёдор.

– На здоровье! – ответила она.

Выпив водку прямо на крыльце магазина, Фёдор кинул бутылочку в урну и закурил. Почувствовал себя гораздо лучше. Даже на Инну стало немножко наплевать. У рюмочной он притормозил, потоптался и зашел. Народу в этот час оказалось много. Кто-то сказал:

– Брат, тут со своим не принято.

Засмеялись.

У стойки Фёдор поставил канистру под ноги и заказал сто пятьдесят «Столичной».

– Сок? – спросила пожилая усталая женщина в синем переднике.

– Пить мне не хочется, – сказал Фёдор.

– Ну это как сказать, – ответила раздатчица, наливая из мерного стаканчика в пластиковый.

Он сел за свободный столик. Зал покачивался на нежных волнах. Немножко отпив, Фёдор достал смартфон. Сообщений не было. Но в ленте инстаграма¹ он увидел ее фотографии. На первом фото Инна стояла у микрофона, за ее спиной развевался триколор. На втором фото она принимала букет цветов от старшеклассника. На третьем – небольшое застолье. Инна с бокалом красного вина в руке смотрела прямо

¹ Продукт компании Meta, признанный экстремистским и запрещенный в России.

в объектив. В строгом костюме, с заколотыми волосами, она выглядела как богиня.

Чувствуя тоску, возбуждение, обиду, ревность и страх, Фёдор убрал смартфон и еще немного отпил. К столику подошел пожилой мужик в потасканном пиджаке.

– Уважаемый, – сказал он. – Можно прилично пообщаться?

– Уйди, – процедил Фёдор.

– Оставь допить-то хоть, – развел руками мужик.

Кто-то крикнул из дальнего угла:

– Федька, опять на подсосе?

Фёдор вздрогнул, огляделся. Мужик погрозил кому-то кулаком, потом сел напротив, положил голову на стол и смотрел снизу вверх преданно и ласково, как спаниель. Он уже выпил, но хотел добавки. Фёдор отодвинул стакан, встал и вышел.

– Благодетель! – донеслось в спину.

Вернувшись в новое свое жилище, он разложил покупки, бесцельно побродил по комнатам, подумал было еще раз принять душ, но поленился и просто почистил зубы. Застилать постель тоже стало лень, и он лег на голую подушку, укрывшись старым пледом, от которого пахло пылью.

Мысли об Инне, предстоящей встрече с Панибратовым, будущем сценарии мешались в кучу и не давали уснуть. С Инной все кончено навсегда, или опять сойдутся? Может, прислать ей фото, где он стоит на коленях? И заодно облизы-

вает пол. А о чем писать? Вообще непонятно. Что надо этому Панибратову? Музыкальная комедия о его жене? Мультфильм про жизнь декоративных собачек? Карцеву все равно. Лишь бы денег дали. Но и он сюда приехал ровно за тем же. Сделать работу за хорошие деньги, а потом спокойно сесть за роман, который вернет его в струю. В струю? Какую еще струю? В поток. В реку. В водопад. В океан, где он станет самым главным пиратом, грозой кораблей. Грозой, громом, молнией. Всем на свете.

Фёдор уснул. И действительно оказался в океане. Но то был океан бреда. Откуда-то выплыл Карцев. Он курил сигарету, качал головой и повторял:

– Не верю, Федька, не верю! Не может этого быть. Ты меня знаешь? Знаешь. И я себя знаю. И тебя.

Потом прибежала голая Инна. Она носилась кругами и дико хохотала. Карцев пытался ее поймать. Бегал и похотливо протягивал ладошки к упругим ягодицам.

– Инка, не дури! – кричал он. – Я тебя знаю. Я Федьку знаю. Ты меня знаешь. И Федьку знаешь. Ох, подожди, вернись!

В какой-то момент Карцев и Инна исчезли. Фёдор метался по комнате. Выхода не было. Ни двери, ни окон. Услышав стон, Фёдор замер и приложил ухо к стене. Они были там – Инна и Карцев.

«Господи, зачем я рассказал ему про нее?»

Представилось: она сидит на стуле, широко раздвинув

длинные гладкие ноги, а Карцев послушно ей вылизывает, стоя на четвереньках. Инна держит его за волосы на макушке. И стонет, стонет, стонет.

Фёдор проснулся. Свет в комнате был серым. Приближалось утро. Он начал дремать, но встрепенулся, услышав стон наяву. Осторожно спустил ноги на пол и по стеночке двинулся к выключателю. Подумалось, что из-за шкафа вывалится призрак бабушки Биби и оторвет ему гениталии. Или напугает до смерти. И он сам станет призраком. Будет коротать вечность в компании старухи, слушая рассказы о последних золотых годах правления государя императора.

Вспыхнувший свет разогнал дурацкое наваждение. Фёдор поглядел на потолок и все понял.

«Ранние пташки», – подумал он с некоторой завистью.

На часах было начало шестого. И спать больше не хотелось. Он выглянул в окно, полюбовался безлюдным Львиным мостиком и старинными зданиями на другой стороне канала. Петербург в это осеннее пасмурное утро был красив и печален.

Фёдор оделся в домашнее, начистил ванную и принял долгий теплый душ. Обмылок с волосами он растоптал и затолкал в сливное отверстие. Вода, свежее мыло и шампунь взбодрили его. В медной турке, которую отыскал среди кухонной утвари, Фёдор сварил кофе. Разной посуды у бабушки Биби было много, и вся в идеальном состоянии. Но любимую кружку он все-таки привез с собой. Из того самого

сервиза, подаренного Инной.

Вспомнив о ней, Фёдор подумал: «Не трогать телефон».

Но где он, кстати?

И побежал в комнату. Смартфон лежал в кармане штанов. Немного поколебавшись, Фёдор зажег экран. Мучиться в сомнениях, а не проверить ли сообщения в мессенджерах, ему не пришлось. От Инны был пропущенный звонок. Семнадцать минут назад, когда он стоял в душе и блаженно отфыркивал папахивающую канализацией воду.

– Так, – сказал он.

Стало тесно и жарко. Фёдор нажал вызов и медленно, как во сне, поднес смартфон к уху. Подумал почему-то, что она не ответит. Или окажется вне зоны доступа. Инна ответила после первого же гудка.

– Федя, – сказала она. – Послушай.

И замолчала.

– Да, – ответил он.

– Извини, если разбудила. У меня сегодня будет очень тяжелый день. И я скоро уже уйду. Подумала, надо поговорить заранее.

– Да, – повторил Фёдор.

– Я опять не спала ночь. А ты?

– И я, – соврал он.

– Слушай, давай я перезвоню в ватсапе. Разговор серьезный.

– Серьезный? – переспросил он.

– Да. И мне кажется, нам надо видеть друг друга.

– Хорошо.

Он сел. Потом встал. Снова сел. «Серьезный разговор?»

Она уходит. Что же может быть серьезнее?»

Инна позвонила через пару минут. На экране появилось ее красивое лицо. Глаза были грустные. И смотрела она куда-то мимо.

– Говори, – сказал Фёдор.

– Так вот, – ответила Инна. – Ты сделал мне очень больно. Уже не первый раз. Но не суть. Когда мне больно, я кричу. Любой нормальный человек кричит, когда ему больно. Ты согласен?

Он осторожно кивнул.

– Ответь.

– Да, согласен.

– Ты думаешь, мне нравится ругаться? Нет. Я лишь пытаюсь донести до тебя важные вещи. По-другому ты не слышишь и не понимаешь.

Фёдор молчал. И так было понятно, к чему она клонит. Оставалось дожидаться главных слов. С женщинами он расставался по-разному. Когда уходил сам, в него летели оскорбления, угрозы и бытовые предметы. Когда уходили женщины, то скандалов не устраивали. Серьезный разговор всегда начинался с длинной преамбулы. Она всегда была самой томительной. Но он никогда не перебивал. Знал, что если женщина просто говорит «я ухожу», скорей всего, вернет-

ся.

– Скандалы – это плохо, – продолжала Инна. – Но без них отношений тоже не бывает. Это нормально. Люди ругаются, потом мирятся. Ты согласен?

– Да, согласен, – пожал он плечами.

– У нас это происходит слишком уж часто.

«Вот сейчас скажет», – подумал он.

– Как ты думаешь, это обоюдная вина?

– Наверно.

– Нет! Ты бы на моем месте давно меня бросил. После твоих пропаж и ночных гулянок. Представь, я где-то шлялась, а ты не мог дозвониться. А потом явилась бы под утро в жопу пьяная. Да ты бы тут же ушел от меня. А если бы я написала книгу, в которой меня трахают три мужика, ты бы умер от ревности. И бросил бы! Да! Бросил! Но я этого не делаю. Я изо всех сил храню наши отношения. Кричу, ругаюсь, обвиняю. И знаешь почему? Потому что я люблю тебя! Как ты этого не понимаешь?

Фёдор застыл. И сердце его жадно стучало.

– Но мне все чаще кажется, что мы с тобой оказались в известной ситуации, когда один любит, а другой позволяет себя любить.

Фёдор подскочил и забегал по комнате. Слова путались. Он почти кричал, как сильно ее любит. И конечно, он виноват. Он совершил немало глупостей. И многие сцены в его книгах – ошибка. Он перепишет их заново ради нее. Инна

внимательно смотрела и слушала. Фёдор распинался. Случайно плюнул в экран. Он уже готов был опять встать на колени и стоять хоть всю ночь. Но Инна перебила:

– А ты где сейчас? Ты у этого твоего Карцева? Постой, он не слышал наш разговор?

– Нет, нет. Он меня поселил в квартиру своей бабушки. Но ее тут нет. Она умерла. Я один.

– Хорошо, – сказала Инна. – Скажи еще раз. Ты любишь меня?

И Фёдор несколько раз повторил, что любит. Он не знает, как это доказать. Оторвать себе лицо? Съесть живую мышь?

– Федя, не говори глупости. Доказательство любви одно – отношение. И все. Понимаешь?

– Хочешь, я прямо сейчас брошу все и приеду?

– Ну нет. Я хочу, конечно. Но твоя работа важна. А недолгая разлука только укрепит отношения. Правда же? Покажи мне квартиру.

Фёдор переключил камеру.

– Тут я сплю. Там еще одна комната, побольше.

– Надо же, старая петербургская квартира, – сказала Инна. – Представляю, какая там атмосфера.

– А какой вид из окна!

Фёдор показал ей Львиный мостик:

– Нравится?

– Очень! Я тебе тоже сейчас кое-что покажу.

Инна стала опускать камеру. Она была в распахнутом ха-

лате на голое тело. Сидела в кресле, широко расставив ноги. Фёдору почудилось, что он чувствует ее запах. В последний момент Инна прикрыла пах ладошкой. Но ее средний палец пополз дальше и стал медленно двигаться. Затем на экране возникло ее ухмыляющееся лицо.

– Ты меня дразнишь, – сказал Фёдор.

– Дразню. И что ты мне сделаешь?

Инна снова опустила камеру. И продолжила себя ласкать. Фёдор сунул руку в трусы. Потом спустил их. Спихватился и поковылял от окна к кровати.

– Ты что там собрался делать? – спросила Инна. – Я сейчас отключусь.

– Нет, нет, пожалуйста. Я так скучаю. Я с ума сойду.

– Тогда просто смотри. Покажи мне вторую руку.

Она вернула камеру к лицу. Но плечо ее продолжало двигаться. Взгляд немного затуманился. Фёдор не отставал.

– Нет, Федя. Ты наказан! Иначе я правда закончу. В смысле отключусь. А потом закончу. Но ты этого не увидишь.

– Ладно. Я не буду.

– Умница. Хороший мальчик.

То, что одна рука была занята телефоном, ей несколько не мешало. Инна трудилась так, будто пыталась распилить себя вдоль тела. У Фёдора пульсировали передние зубы. Все вокруг исчезло. Он смотрел и почти не дышал.

Инна слабо заскулила, потом протяжно застонала, изогнулась, задрожала и обмякла. Камера упала ей на грудь.

Несколько секунд экран был темным. Слышалось лишь ее тяжелое дыхание. Потом появилось лицо.

– Ну вот, – сказала Инна. – Помирились. Разрешаю тебе пойти в ванную и побыть плохим мальчиком. А мне надо уже собираться. Федь, не теряйся. Пиши мне и звони.

– Да, любимая.

– Пока!

– Пока!

Он отложил смартфон и со спущенными штанами пошел в ванную.

8

Карцев явился к часу, как и обещал.

– А ты молодец, – сказал он с порога. – И правда, как огурец.

Сам он имел мрачный вид.

– Дело-то ответственное, – сказал Фёдор. – Как иначе.

– Хорошо, что ты так относишься.

Карцев прошелся по квартире, заглянул в комнаты.

– Как? Обживаешься?

– Нормально. Только соседи под утро устроили поебушки, разбудили меня. Но и хорошо. Вовремя.

Фёдору хотелось похвастать, что он помирился со своей девушкой. Без подробностей, конечно. Карцев перебил:

– Какие еще соседи?

– Ну сверху. – Фёдор показал пальцем на потолок. – Хорошо так стонали.

Карцев посмотрел вверх. Потом на Фёдора:

– Федь, ты на последнем этаже живешь. Ты чего? Там уже чердак.

Фёдор тоже посмотрел вверх:

– А кто же это тогда? Может, бомжи?

– Еблись?

– Ну.

– Или мыши пищали. А тебе почудилось.

– Тут есть мыши?

– Не знаю. Вряд ли. Но дом-то старый. Все возможно.

– Может, мне приснилось?

– А чего тебе снилось?

Фёдор запнулся и соврал, что не помнит.

– Ладно. Не бери в голову. Пошли.

Карцев приехал на своей унылой «Калине». Она стояла в конце переулка. У входа в рюмочную Фёдор заметил вчерашнего тезку-ханыгу. Тот покачивался и безостановочно широко зевал.

– Слушай, – сказал Карцев, когда отъехали. – Я тебе одну вещь вчера не сказал насчет Панибратова. Он непростой тип.

И сделал рукой движение, будто вворачивал лампочку.

– Во-первых, он бывший гэбист. Причем служил в Пятом управлении.

– Я с диссидентами не связан, – сказал Фёдор.

– Очень смешно!

– Чего ты так переживаешь? Чем он сейчас занимается?

– Официально сосисками, сардельками и колбасами. А неофициально – не знаю. Но знаю, что на сардельках столько не заработать, сколько у него есть. Думаю, он через кино хочет что-то отмыть.

– Через наше кино можно только смыть, – ответил Фёдор.

– Не скажи. Можно и заработать.

– Как ты вообще на него вышел?

– Ну так, – пожал плечами Карцев. – Искал инвестора.

Через знакомых выяснил, что есть человек, который хочет вложиться в кино. Я подсуетился, пока не увели. А главное! Он смотрел мой фильм «Щекотунчик». И ему понравилось.

– «Щекотунчик»? Это о чем?

– Я тебе покажу. Он о киллере по прозвищу Щекотунчик.

Криминальная драма. Любовь, смерть и вся хуйня.

– А во-вторых?

– Что «во-вторых»?

– Ты сказал, что, во-первых, он из бывших. А во-вторых?

– Я его немного побаиваюсь.

– Потому что он гэбист?

– Нет. За это я его презираю.

– А зачем тогда деньги у него берешь? – спросил Фёдор.

– Слушай, – задергался Карцев. – Только этого не надо!

Совестью моей решил поработать? Эти деньги пойдут на искусство. А не на блядей и яхты. Благородное дело!

– Деньги, конечно, не пахнут, – сказал Фёдор.

Карцев злобно покосился на него:

– Не обижайся, Жень.

– «Не обижайся», конечно, как же.

– Я вот с девушкой своей помирился. И счастлив.

– Какой девушкой? У тебя есть девушка?

– Ну да. Я вчера немного рассказывал. Где-то перегнул, наверно.

– Я помню, что ли?

«Ну и хорошо», – подумал Фёдор.

Они остановились у старинного трехэтажного особняка.

– Офис его? – спросил Фёдор.

– Один из...

Карцев позвонил в массивную дверь. Выглянул охранник и впустил их. В вестибюле они по очереди прошли через рамку. Поднялись на последний этаж и очутились в небольшом холле. Навстречу вышла симпатичная черноволосая девушка.

– Господин Карцев? Господин Собакин? Меня зовут Зофия. – Она приложила руку к груди. – Через букву «з», не «с».

– А сокращенно как? – спросил Карцев. – Зоня?

– Мое имя не сокращается, – сказала она без улыбки. – Пожалуйста, подождите.

И зашла в кабинет.

Они сели на диванчик. Карцев полистал журнал. Хмыкнул.

– Это какой-то колбасный вестник. Тут сплошные сосиски и сардельки. О, еще шпикачки.

– Сам же говорил, – тихо отозвался Фёдор.

Вернулась Зофия.

– Выключите, пожалуйста, звук в телефонах. И проходите.

Она пропустила их и закрыла за ними дверь. Они оказались в небольшом и скромном кабинете. За столом сидел худощавый, очень бледный мужчина непонятного возраста с коротким светлым ежиком на маленькой голове.

– Здравствуйте! – сказал он и вышел навстречу, протягивая руку.

Панибратов оказался маленького роста. Фёдор смутился. Сосисочный олигарх едва доставал ему до груди. Ручка у него была почти детская. Мягкая. Хрупкая. И голос будто подростковый.

– Здравствуйте, Игорь Игоревич, – сказал Карцев.

– Присаживайтесь.

Они сели к столу. Фёдор увидел на стене странную картину. На ней ничего не было. Только рама, в которую вставили холст. Панибратов заметил его взгляд. Потом сказал:

– Евгений Витальевич, хотите выпить?

– Я за рулем, – ответил Карцев.

– Хотите, но за рулем? Понимаю. Руль – это святое. Ну а чего-нибудь хотите? Может, стакан минералки?

– Нет, спасибо.

– Нет, спасибо, – повторил Панибратов. – А зачем вы приехали?

– То есть?

– То есть, – опять повторил Панибратов. – Так мы с вами все обсудили. А мне хотелось познакомиться с будущим автором. Или вы хотите послушать наш разговор? Вряд ли вам будет интересно.

Карцев поерзал.

– Ага, да, конечно. Я что-то не подумал.

Он встал, немного потоптался и вышел. Панибратов уста-

вился на Фёдора. Глаза у него были светлые. Фёдору вспомнилось, как в детстве мама привела его к стоматологу, завела в прохладный кабинет и оставила наедине с врачом. Ощущения были очень похожи.

– А Собакин – настоящая фамилия? Или псевдоним? – спросил Панибратов.

– Настоящая, – ответил Фёдор. – Мама говорила, мы далекие предки Марфы Собакиной.

– В смысле потомки?

– Да. То есть потомки.

– То есть потомки, – улыбнувшись, вздохнул Панибратов. – Тогда вы и потомок Скуратова. Не ельцинского прокурора, того, что со шлюхами кувыркался. Помните? А Малюты. Он ведь был родней Собакиных. Не знали?

– Нет.

– Нет.

Панибратов задумчиво уставился куда-то в угол. Будто ушел в воспоминания и забылся. Фёдор снова покосился на картину, а когда вернул взгляд, увидел, что Панибратов смотрит на него в упор.

– Нравится картина? – спросил он.

Фёдор пожал плечами:

– Я не очень разбираюсь в живописи.

– И не надо разбираться. Просто нравится или нет? Мне вот очень нравится. Но что-то вы напряжены, Фёдор Андреевич.

Он вылез из кресла, заглянул в сервант и вернулся с бутылкой коньяка и стаканом. Налил, сделал глоток, спохватился.

– А стакан-то у меня один тут всего. Остальные поколотились. И забываю купить.

Он подвинул бутылку:

– Да вы так, не стесняйтесь. Ну? За ваше здоровье!

Фёдор взял бутылку, помедлил и отпил из горла, глядя на Панибратова. Тот улыбнулся, отсалютовал стаканом.

– Я прочитал две ваши книги. Мне понравилось. Крепко. Некоторые сцены смутили, правда. Там, где герой мочится любовнице на лицо, скажем.

Фёдор поперхнулся:

– У меня такого нет.

– Жаль, конечно, вам премию не дали, – сказал Панибратов. – А кому ее дали?

– Каргополову.

– Каргополова я не помню, – улыбнулся Панибратов. – Хотя раньше имел тесные связи с Союзом писателей. В советское время еще. Повидал вашего брата.

Он вдруг стал строгим, почти злым.

– Много читал. Чего они там только не писали. – И добавил: – Друг на друга.

Засмеялся:

– Салют!

Поднял стакан. И Фёдор послушно отпил из бутылки.

– Уже придумали, о чем будет ваш сценарий?

– В общих чертах.

– Ну-ка?

– Любовь, смерть.

– Мне нравится, – улынулся Панибратов. – И вы мне нравитесь. Совсем не похожи на извращенца. Хотя и пишете иногда такое... Но талантливо!

– Спасибо, – чуть слышно произнес Фёдор.

– Да не за что, Фёдор Андреевич. Не за что. А это мой портрет, – добавил Панибратов и показал на картину. – Что же вы молчите? Хотя вы, писатели, народ неразговорчивый. Забирайте коньяк.

Фёдор взял бутылку и неуверенно поднялся.

– Да-да, – кивнул Панибратов. – Всего доброго! Рад был знакомству.

Из-за стола он на этот раз не вышел и руку не протянул.

– До свидания.

В холле никого не было. Фёдор проверил смартфон. Карцев написал, что ждет на улице.

– И все? – спросил он, выслушав рассказ Фёдора.

– Ну да.

– Я думал, будет договор, аванс какой-то. Он же обещал!

– Может, передумал? Тогда почему так прямо и не сказал?

– Издевается! Видел, как он меня выставил?

– Видел. А баба эта на букву «з»? Он сказал, всем будет она заниматься. Но она исчезла.

– Надо все это обдумать, – сказал Карцев сквозь зубы. – Но мы в пролете, похоже. Не понимаю, как так вышло. Мы же договорились с ним! Хотя кому я поверил, дурак! Гэбисту!

– И производителю сарделек.

Карцев хмыкнул:

– Если честно, я даже обрадовался, что он меня попросил уйти. У меня от него мурашки по коже. Федь, может, и к лучшему все, а? Влипли бы мы с ним. Отвечаю!

– И что мне теперь делать? – спросил Фёдор. – Домой ехать?

– Погоди. Чего домой-то сразу? Давай по плану. Живешь в квартире, пишешь сценарий.

– А дальше что?

– Потом я его продаю.

– Кому?

– Найду. Если сценарий хороший, его купят.

– Денег мало осталось, – сказал Фёдор. – На что жить?

– Разберемся, – ответил Карцев.

Прозвучало как отговорка.

Они вернулись к Львиному мостику. Фёдор посмотрел на свои окна. Он понятия не имел, чем сегодня займется. Может, купит билет домой? В конце концов, писать сценарий с туманными перспективами можно и там. Из библиотеки он, правда, уволился. Но, наверно, получится вернуться. Сотрудников вечно не хватает. Или устроиться в школу учителем литературы и русского языка, например. А на переменах он будет приходить к Инне в кабинет и отлизывать ей, спрятавшись под столом. Ну либо они будут просто пить чай и болтать. И так до самой смерти.

– О чем задумался, Федь? – спросил Карцев.

– Поеду, – сказал Фёдор.

– Уверен? Ты уж извини, что так вышло. Какая-то ерунда.

Я не думал даже...

– Да ладно, бывает.

Фёдор похлопал его по колену.

– Я тебе куплю билет, – сказал Карцев. – На какое число?

Он достал смартфон, немного повозился. Фёдор тоже достал, написал Инне, что встреча прошла неудачно и он возвращается.

– Есть завтра ночью, – сказал Карцев. – Брать?

– Бери.

– Чувствую себя последним мудаком.

– Зря. Я тебя ни в чем не обвиняю.

– Но ты мне поверил.

– Так ведь не ты меня обманул.

– Я будто бы стал посредником.

– Жень, – сказал Фёдор. – Перестань. А то уговоришь.

Карцев убрал смартфон.

– Завтра в полночь. Я тебе билет скинул.

– Спасибо!

Фёдор отсалютовал ему бутылкой коньяка и отпил.

– Чем займешься сегодня?

– Не знаю. Дома буду сидеть. Или схожу погуляю.

– Может, над сценарием подумаешь? – спросил Карцев. –

Накидаешь какие-то идейки?

– Посмотрим, – пожал плечами Фёдор.

– Я ведь правда продам.

– Подумаю.

– Подумай, пожалуйста.

Они попрощались. Карцев уехал. Фёдор покурил у оградки канала. По воде плыли утки. Кинуть им было нечего. В карманах лежали сигареты, зажигалка, ключи от квартиры бабушки Биби, немного мелочи, телефон, металлическая авторучка «Паркер» с позолоченной клипсой – подарок Инны.

Подошли две девушки, обоим было лет по шестнадцать.

– Извините, вы не знаете, где тут дом Раскольниковова?

Одна сверилась со смартфоном.

- Гражданская улица в ту сторону?
- Что-то мы тут ходим, ходим, как в лабиринте.
- Я не местный, – сказал Фёдор.
- Ясно.

И ушли, полные презрения.

Фёдор поднялся в квартиру, сделал пару бутербродов с колбасой, налил чаю. Позвонила Инна:

– Федь, привет еще раз.

Он вспомнил утренний разговор и на пару секунд отключился от реальности.

– Ты слышишь? Ты трезвый?

– Слышу. Конечно, я трезвый. Собираюсь обедать.

– Что дают?

– Чай «Принцесса Нури» без сахара, я забыл его купить.

И два бутерброда с колбасой.

– Что за колбаса?

– Любительская.

– С батоном или хлебом? С маслом?

– Конечно, с батоном и маслом.

– Ладно. Теперь серьезно. Расскажи, что случилось?

– Не знаю. Он странный, этот мужик. Говорили мало, будто бы ни о чем. Потом он подарил мне полбутылки коньяка и выпроводил. И все.

– Ты расстроился?

– Ну немного расстроился. А с другой стороны, я все равно не знал, о чем писать. Может, к лучшему.

– Ты бы придумал, – сказала Инна. – Я в тебе уверена. Все еще будет.

– Не сомневаюсь.

– Сомневаешься, а вот не надо. Когда приедешь?

– Поезд завтра ночью.

– Хорошо. Пиши и звони мне. И сегодня, и завтра, и когда в поезд сядешь. Я тебя встречу на вокзале.

– Спасибо, но необязательно.

– В смысле? Ты не хочешь меня видеть?

– Хочу, конечно! Я ужасно соскучился!

– Почему же ты тогда сказал, что тебя не надо встречать?

– Да просто не хочется тебя обременять.

– Фёдор, послушай. Если бы мне это было обременительно, я бы не стала тебя встречать. Вот опять! Я к тебе тянусь и натыкаюсь на стену безразличия.

Фёдор смял бутерброд и швырнул в раковину. Но вдохнул, выдохнул и сказал:

– Я глупость сморозил. В голове все вверх дном. Прости меня.

Инна помолчала.

– Ладно. Я понимаю. Мне пора.

– Люблю тебя! – успел сказать он.

– И я тебя люблю, – ответила Инна. – Постарайся не грустить. И коньяк вылей!

Смыв с руки сливочное масло и хлебные крошки, он зашел в свою комнату, дернул коньяка из бутылки и лег. Спать

как будто не хотелось. Но он уснул.

Снилось что-то невнятное. Мелькали знакомые лица, доносились неразборчивые слова. Кто-то проскакал на белой лошади, судя по комплекции всадника, это был Панибратов. Потом все погрузилось во тьму. И из тьмы выплыл тихий голос, который повторял:

– Кто ты? Что ты? Кто ты? Что ты? Кто ты? Что ты?

И этот голос выволок его из сна, будто утопленника из реки. Кто-то звонил в дверь. Средний-короткий, средний-короткий. Кто ты? Что ты? Кто ты? Что ты? Фёдор слез с кровати и, задевая стены, побежал открывать. Спросонок придумалось, что это приехала Инна. Может быть, даже в плаще на голое тело. Но это был Карцев в своей старомодной болоньевой куртке.

– Федь, ты чего? – сказал он.

Фёдор оглядел себя. Одежда на месте.

– Чего, Жень?

– Я звоню, звоню! Я уж испугался, что ты с горя повесился. И телефон не отвечает.

– Уснул, – сказал Фёдор и тут же позевал, прикрыв рукой несвежий рот.

Карцев прошел на кухню, взял из тарелки бутерброд, откусил половину, запил чаем.

– Чего несладкий-то?

– Сахар забыл купить, – ответил Фёдор и сел к столу. – До завтра потерплю.

Карцев, сопя, доел бутерброд, вытер рот носовым платком.

– Слушай, я подумал, как-то неудобно получилось. Бросил тут тебя одного и уехал.

– Хочешь вместе телевизор посмотреть? – спросил Фёдор, потирая зудящий глаз.

– Тут нет телевизора, – ответил Карцев. – Бабушка Биби не смотрела телевизор. Папа мой, царствие небесное, подарил ей лет двадцать назад видеодвойку и кучу кассет. Так она все на помойку вынесла. Говорила, мол, разум ее – храм. Слушай, вкусно. Можно еще?

Он достал батон, масло, колбасу и стал делать бутерброды. Фёдор умылся холодной водой.

– Так вот, – продолжил Карцев. – Хотел тебя позвать на одно представление. Мой знакомый артист сегодня выступает в каком-то дико модном месте. Билетов не достать. Он меня давно звал. Отдохнешь в последний вечер. А завтра выпишься и поедешь.

– Пошли, – пожал плечами Фёдор. – А что там будет?

– Без понятия. Но свободных мест, говорю, нет. Может, встретишь кого-то из коллег.

– Что-то мне расхотелось идти.

– Ой, да брось! – махнул надкушенным бутербродом Карцев. – Дома, что ли, киснуть? В крайнем случае, если захо-

чешь, можешь кому-нибудь дать в рожу. Я тебя даже угощу заранее озверином.

Фёдор вспомнил про коньяк, ушел в комнату и хорошенько отпил. Сунул в карман телефон и вернулся.

– А мне? – сказал Карцев, учуяв запах.

Фёдор принес бутылку. Коньяка осталось на доньшке. Карцев выпил его, не дожевав бутерброд. Помолчал, кивнул и сказал:

– Двинули.

Они спустились к Львиному мостику. Начинало темнеть. Покачивалась темная вода в канале. Фёдор закурил. Карцев вызвал такси. Спohватившись, Фёдор написал Инне, что спал, недавно проснулся и собирается прогуляться.

«Так поздно?» – тут же ответила Инна.

«Разве поздно? Начало седьмого».

«Один пойдешь?»

Поколебавшись, Фёдор соврал, что один. Узнав, что он будет с Карцевым, Инна наверняка выкатила бы телегу претензий о предстоящем пьянстве и сопутствующем кобелизме. Доказывать, что напиваться и волочиться за юбками он не собирается, было бесполезно.

«Недолго! И пиши мне!»

«Хорошо!»

«Я тебя очень люблю!»

«И я тебя очень люблю!»

Прикатило такси – белый «фольксваген». Они залезли и

поздоровались. Водитель что-то буркнул.

– Этот мой приятель, артист, настоящий непризнанный гений. Правда, я не видел ни одного его выступления. Но так говорят. Однажды он меня в театр позвал. Но я перебрал, уснул и ничего не увидел. А когда проснулся, была орация.

– Как его зовут-то? – спросил Фёдор.

– Борщевиков Володя. Не слышал?

– Ни разу.

– Если буду снимать, устрою ему пробы обязательно. Хочется поработать с ним.

Проехав полквартиры, они сбили самокатчика. Тот выскочил перед капотом, будто ниоткуда. Таксист дал по тормозам. Фёдор стукнулся лбом о переднее сиденье и откинулся назад. Воняло жженой резиной. Карцев потирал переносицу. Самокатчик плашмя лежал на асфальте. Его самокат, виляя, уехал по улице. Таксист, шмыгнув носом, вылез из-за руля и подошел к телу. Наклонился и отпрыгнул. Самокатчик ожил и кинулся в драку.

– Еб твою мать! – сказал Карцев. – Пошли пешком. Тут недалеко. Заодно выпьем по дороге.

Фёдор не возражал.

Модное место находилось в Новой Голландии.

Они допили купленную по дороге водку. Карцев поставил пустую бутылку к оградке канала, Фёдор кинул в нее окурок. Сознание помутилось. Глупо улыбаясь, он написал Инне, что любит ее. Спустя полминуты она прислала фотографию голых ножек.

«Они тебя ждут. А то, что между ними, ждет еще сильнее».

Фёдор возбудился. Хотел попросить более откровенную фотографию.

– Федь! – сбил Карцев. – С кем ты там? Убирай сраный телефон, а то опоздаем.

Они перешли мостик. Охранники смотрели с подозрением. Но приставать не стали. Карцев огляделся и указал на большое здание в форме консервной банки, напоминавшее крепость:

– Там!

Фёдор был уверен, что сейчас они заблудятся, долго будут бродить по коридорам и этажам, до тех пор, пока охранники их не выгонят. Он даже немного обрадовался. Вернется пораньше в квартиру бабушки Биби, позвонит Инне, и, может быть, она покажет ему что-нибудь особенное на сон грядущий. Например, трахнет себя фаллоимитатором. У нее был.

И Фёдор даже немножко ревновал к этому куску каучука из Китая. Но сейчас он бы на это посмотрел. Правда, Инна наверняка заметит, что он пил. Но ничего. Притворится трезвым. Это, кажется, несложно.

Размечтавшись, Фёдор замедлил шаг.

У входа в здание Карцев обнимался с каким-то мужиком.

– Федька! Ты чего там как в штаны наложил? Иди, это

Вова Борщевиков!

Вова Борщевиков чуть брезгливо улыбнулся.

– Жень, я сигарету из-за тебя выронил.

– Курить вредно, дурак!

– Я нервничаю.

Борщевиков протянул вялую ладошку, тыльной стороной вверх. Фёдор осторожно ее помял.

– Фёдор Собакин.

– Вы артист?

– Это великий русский писатель, – сказал Карцев.

– Женья, дружок, ты пьян, – сказал Борщевиков, мигом потеряв к Фёдору интерес.

– Как всегда.

– Ладно, идем. Мне скоро начинать.

– А что это будет? – спросил Карцев.

– Увидишь. Ты такого никогда не видел!

У входа в зал Борщевиков небрежно сказал охраннику:

– Эти со мной.

«Эти, – подумал Фёдор. – Да пошел ты на хуй, пидорас!»

Он остановился. Стал разворачиваться. Карцев схватил его за рукав и затащил в помещение.

– Не тормози, Федь. Сейчас будет шоу.

– Будет, будет! – подтвердил Борщевиков и ушел к сцене.

С виду это был заурядный клуб: средних размеров зал, столики, небольшая сцена, барная стойка, приглушенный свет. У сцены собралось человек тридцать. Карцев немедленно присоединился к ним. А Фёдор направился к бару. Стараясь не думать о деньгах, он заказал бокал темного пива.

Борщевиков вышел на сцену, заслонился от софитов.

– Приглушите, плиз, на пол-Фёдора.

Симпатичная блондинка за стойкой наполнила из крана бокал.

– Вам в пиво плюнуть? – спросила она.

– Зачем? – спросил Фёдор.

– Это бесплатно.

– И бесплатно не надо.

Он расплатился, забрал пиво и отвернулся.

Борщевиков расхаживал по сцене с книгой в руках.

– Спасибо, что пришли. Сейчас я вам кое-что почитаю.

Сел на стул и открыл книгу. У него было сосредоточенное выражение лица. Он чуть заметно шевелил губами. Но пока молчал. Фёдор сделал несколько больших глотков и не удержал сильную отрыжку.

– А вы у нас первый раз? – спросила барменша.

– Первый, – ответил Фёдор. – И, скорей всего, последний.

Пауза затягивалась. Борщевиков сопел в микрофон. И ерзал. Потом закинул ногу на ногу. Перевернул страницу. Вздохнул. Встал. Зрители никак не реагировали. Попивали свои напитки – пиво, вино, коктейли – и молча смотрели. Борщевиков прошелся по сцене. Закрыв книгу, слегка постучал себя ею по голове, снова открыл. Губы его шевелились. Тихо заиграла Седьмая симфония Прокофьева. Борщевиков странно замер, будто в него целились из ружья. Встал на колени. Книгу он держал близко к лицу. Потом опустился на четвереньки, положил ее перед собой. Стоял так пару минут. Прокофьев умолк. Борщевиков вернулся на стул и просто сидел, переворачивая время от времени страницы.

Фёдор допил.

– А где тут туалет? – спросил он у барменши.

Та махнула рукой:

– Вон, рядом с гардеробом.

Борщевиков продолжал молча перелистывать страницы. Фёдор вышел из зала. В сортире он увидел женщину. Она стояла, наклонившись к зеркалу, и в упор рассматривала свое лицо.

– А где мужской? – спросил Фёдор.

– Тут один, общий, – ответила она, продолжая на себя глядеть. – Проходите, не стесняйтесь. Я уже ухожу.

Она повернулась. Это была Зофия.

– Ой, а кто тут у нас?! Вот так встреча, Фёдор Михалыч!

– Мир тесен, – пробормотал Фёдор и зашел в кабинку.

Крикнул оттуда:

– Андреевич!

Она подошла и положила руки на дверцу. Оглянувшись, Фёдор увидел ее длинные пальцы с покрытыми черным лаком ногтями.

– Я же пошутила. Скажите, куда вы пропали?

– Мне нужно кое-что сделать, – пробормотал Фёдор.

Она засмеялась:

– Да уж я заметила. Я имела в виду, куда вы сегодня днем пропали. Мы же должны были обсудить вашу работу.

Фёдор замер.

– Какую работу?

– Сценарий ваш. Или вы передумали?

– А я решил, что никакой работы не будет.

– Ой, ладно, пишите. Я вас у бара подожду. Поговорим.

Пальцы, скользнув, исчезли.

Он поднатужился, чтобы ускорить процесс. Боялся, что она его не дождетя, если он задержится на лишнюю секунду.

Когда Фёдор вернулся в зал, Борщевиков все еще был на сцене. Ничего не изменилось. Он, как дурак, сидел на стуле и смотрел в книгу. Зрители никак не реагировали. Зофия у барной стойки пила красное вино.

– Руки помыли? – спросила она. – Как вам выступление?

– Жду, когда оно начнется, – ответил Фёдор.

Зофия засмеялась.

– Так куда вы сегодня пропали?

– Домой поехал, – пожал плечами Фёдор.

– Вы дурачок глупенький. Я просто отошла в туалет. Не могли подождать минутку? Ладно. Я бы вам все равно завтра позвонила.

– Я уже на завтра взял билет.

– Какой пряткий! Хотите портвейна?

И сунула под нос бокал. Он пригубил, сморщился. Слишком сладко. Сплошной сахар. Фёдор заказал еще пива.

– Плевать не надо.

Барменша посмотрела на него как на сумасшедшего и наполнила бокал.

Послышались вялые аплодисменты. Фёдор посмотрел на сцену. Борщевиков наклонился, выпрямился и сказал:

– Спасибо, дорогие. Хорошего вам вечера.

– Пойду поцелую Вову.

Зофия соскользнула со стула и направилась к сцене, виляя задом. На ней было короткое, обтягивающее черное платье. И Фёдор некоторое время не мог оторвать взгляд от ее ладного тела.

Появился Карцев, отхлебнул пива из его бокала.

– Слушай, не спрашивай. Сам не знаю, что это было.

Фёдор похлопал его по плечу.

– Есть новости.

12

Потом каким-то образом они все очутились за одним столиком и что-то пили. Фёдор уже не чувствовал вкуса. Голову тоже держал с трудом.

– Зизи, милая, это было внутреннее чтение, – донесся голос Борщевикова. – Неужели непонятно? Да, согласен, эмоций мало. Но я читал Тургенева. А в следующий раз буду читать «Лолиту».

«Хуйту», – отстраненно подумал Фёдор.

Послышался Карцев:

– Зофия, дорогая, в гениальности Феди не сомневайтесь! Это будет не сценарий, а бриллиант.

– Я читала его книги. Сцена, где герой мочится на любовницу, конечно, смутила. Остальное – хорошо, понравилось.

У Фёдора не было сил возражать.

– Писатель-то наш поплыл, – хмыкнул Борщевиков.

– Вова, не хамя, – отозвался Карцев.

– Дорогой мой, разве я хамлю?

Слова доносились будто из сумки. Фёдору живо представилось: он идет по улице и несет сумку, в которой лежат отрезанные головы и разговаривают друг с другом.

Голова Борщевикова. Зизи, поедешь со мной на север?

Голова Зофии. Мы же и так на севере, Вова.

Голова Карцева. Между прочим, на фестивале в Омске я получил главный приз за мой фильм «Щекотунчик».

Голова Борщевикова. Название как у гей-порно.

Голова Карцева. И мне там два раза отсосали. Сначала уборщица...

Голова Зофии. А можно я не буду это слушать?

Голова Карцева. Простите, Зофия. Что естественно, то не противно Богу.

Голова Борщевикова. У меня запор шестой день.

Голова Зофии. Вова, ты прирожденный соблазнитель.

Затем голова Карцева соединилась с телом, он навис над Фёдором и потряс за плечо:

– Федь, клуб закрывается, уходим.

– Сначала ссым, – отозвался Фёдор.

В туалете его вырвало в писсуар. По стенке он добрался до раковины, умылся, отсморкался и отплевался. У входа наткнулся на Борщевикова, сделал полшага в его сторону и сильно толкнул плечом.

– Полегче! – крикнул тот. – Уважаемый, вы забываетесь!

«Пидрила», – подумал Фёдор.

Карцев ждал на улице.

– Ну чего, поехали по домам? Теперь у нас работа. Не до кутежей.

«У меня», – снова подумал Фёдор, а вслух сказал:

– Борщевиков твой – червяк. Опарыш.

– Он вовсе не мой. Да и представление мне не понрави-

лось. Я ни хера не понял.

– А где Биби?

– Она умерла, Федь.

– Тьфу, не Биби, а Зизи.

– Думаю, для тебя она Зофия. И, может, даже с отчеством.

– И где она?

– Домой поехала. Успокойся. Ты во всем прекрасен, но о ней тебе лучше забыть.

Фёдор пожал плечами:

– Да я просто так спросил.

Они вышли на набережную. Ночь выдалась сухая и прохладная. Карцев вызвал такси.

– Жень, – сказал Фёдор. – А ты говорил, к лучшему, если Панибратов не даст денег.

– Что же, отказываться теперь? – пожал плечами Карцев.

– Я не знаю, о чем писать, – сказал Фёдор. – Думал, он мне подскажет, а он не сказал.

– Кто – он? Бог?

– Панибратов, конечно.

– А. Федь, придумаешь. Ты же почти гений.

– Почему «почти»?

– Чтобы нос не задирали, – хмыкнул Карцев.

Приехало такси.

По дороге домой Фёдор почему-то вспомнил, как в детстве ему удаляли аденоиды. Операцию делал толстый бородастый мужик в холодной операционной, стены которой бы-

ли покрыты белым кафелем. Фёду запеленали в простыню и уложили на кресло-кушетку. Медсестра сказала:

– Без наркоза?

– Парень крепкий, выдержит, – ответил хирург. – Ну-ка, открой рот.

Он сунул Фёдору в глотку инструмент, похожий на вилку, полез куда-то вверх, зацепился и дернул. Раздался громкий хруст. Фёдор уронил голову на грудь. От боли он не мог даже плакать. Из ноздрей лилась кровь и капала на простыню с подбородка.

– Теперь второй, – сказал хирург. – Поднимите ему голову.

– Все хорошо, маленький, – тихо произнесла медсестра и подняла ему голову.

Второй аденоид чуть не убил Фёдора. Он провалился в дыхательные пути. Матерясь, хирург доставал его щипцами. А кровь лилась, лилась, лилась. И бледная медсестра держала голову холодными пальцами.

– Жень, слушай.

– А? – сонно отозвался Карцев.

– Что такое пол-Фёдора?

– К чему это ты?

– Борщевиков твой сказал.

– Говорю, он не мой. А пол-Фёдора – это то же, что пол-карасика или полшишки.

– При чем тут Фёдор?

– Откуда я знаю, Федь?

– А еще есть полбарсика, – подал голос таксист.

У Львиного мостика Фёдор вылез из машины. Хмель наполовину выветрился. Набережная была пуста. Свет горел лишь в некоторых окнах. Фёдор закурил и снова опьянел. Табачный дым плыл над черной водой. Пришла непонятная грусть. Он достал смартфон, написал Инне, что вернулся домой, потом включил музыку. Заиграла песня группы «Егор и Опизденевшие» – «Плюшевый мишутка».

Фёдор начал тихонько подпевать, подавился дымом и закашлял. Сунул поющий смартфон в карман и поплелся к дому. Из-за угла вырулил пустой самокат и прокатился мимо. Захотелось догнать его, вскочить и мчать сквозь ночь, навстречу осеннему ветру. Но желание было мимолетным. И нужной прыти он не ощутил.

Его опять разбудили стоны. Фёдор открыл глаза и в полумраке увидел потолок. Близилось утро. В комнате было холодно. От окна тянуло сквозняком. Крапал дождик, постукивая о стекло. Ворковали проснувшиеся голуби, и Фёдор вспомнил, что там, над потолком, не соседская квартира, а чердак. Может, и правда бомжи поселились? Надо будет сходить проверить. Но что он с ними сделает? Выгонит? Скорей они сами его выгонят, да еще и отлупят. Или прирежут. А звать ментов как-то неудобно. Главное, бесполезно.

Фёдор замерз и натянул плед. Сон пропал. Мешало похмелье и беспорядочные мысли. Вспомнился вчерашний вечер. Он хоть и напился, но вел себя прилично. К Зофии не приставал, не говорил похабных шуток. Она ему понравилась – красавица восточного типа, с уютным запахом и шелковистой кожей. Кажется, и он ей приглянулся. Фёдор слегка затрепетал, и это не было похмельной трясучкой. Может быть, обсудив договор, они посидят в кафе, выпьют по рюмке, и он, поборов смущение, тронет невзначай ее руку.

В голову лезли глупые, пока еще невинные фантазии. Например, как он смешит ее и заглядывает в приоткрытый рот. Или легонько гладит средним пальцем прозрачную кожу на тыльной стороне ее ладони. Фантазировать дальше он не решился.

Выбравшись из-под пледа, Фёдор вышел на кухню и умылся. За окном плавал сумрак. Закурив, он поглядел на Львиный мостик. Тот был похож на черно-белую фотографию. Поискал коньяк, но вспомнил, что его допил Карцев.

Инна всегда злилась, когда Фёдор пьянствовал. Стоило ей унюхать даже самый легкий выхлоп, как начинался скандал.

– Я не собираюсь ложиться с пьяным, – кричала она. – Ни в каком смысле! Ложиться с пьяным мужиком – себя не уважать!

И уезжала к себе домой.

Впрочем, был период, когда он не пил ради нее полтора года. Оказалось, это не так уж сложно. Но потом Инна устроила на пустом месте сцену ревности, раскидала вещи и умчалась, хлопнув дверью. Помаявшись, Фёдор сходил в магазин и купил бутылку пятилетнего «Бастиона». Коньяк этот имел сильный запах шоколада. Какой-то кондитерский. Но Фёдор все равно его выпил в течение вечера. И даже сходил за добавкой. Утром Инна приехала мириться, увидела, что он с похмелья, и закатила новый скандал. Пить он стал тайком от нее. Чувствовал себя бесхарактерным трусом. Но побороть себя не мог. Собираясь в Петербург, уже знал, чем займется в дороге. И ждал этого. Но теперь впереди большая работа. И пьянство надо на время прикрутить. А лучше приколотить гвоздями.

От этой мысли стало легко и спокойно. Он вернулся в постель, поворочался, заснул и увидел подряд два кошмара. В

первом Фёдор убил Карцева. Он бегал за ним по двору-колодцу, стрелял из пистолета, но мазал. Карцев петлял, как заяц, и кричал:

– Федька, опомнись, перестань! Я тебе все деньги отдам.

– Хуй ты мне чего дашь! – крикнул Фёдор.

Он загнал Карцева в угол, схватил за шею и выстрелил в висок. Крови не было, а из маленького пулевого отверстия посыпался песок. Карцев рухнул на грязный асфальт лицом вниз. Фёдор перевернул его и заглянул в остекленевшие глаза. Зачем он это сделал? Ведь Карцев его друг. К тому же им предстояла работа. А теперь его посадят в тюрьму, откуда он выйдет больным стариком. Фёдор сунул дуло в рот и спустил курок. Но пистолет не выстрелил, а развалился на мелкие осколки. Во втором кошмаре Фёдор занимался сексом на крыше дома с какой-то женщиной. Они сплелись в причудливой полусидячей позе. Он внимательно смотрел, как его член входит в ее вагину. И от этого возбуждался все сильнее. Потом поднял взгляд. У женщины не было головы. Фёдор завопил, попытался высвободиться, но не сумел. Она крепко держала его. Внизу собралась толпа народу. Фёдор обхватил безголовую женщину, приподнял, кое-как дотащил на себе до края и столкнул. Но она увлекла его за собой. Фёдор успел выmaterиться и проснулся.

По тумбочке, жужжа, ползал смартфон. Звонила Инна.

– Разбудила тебя? – спросила она.

– Да. Но хорошо. Мне кошмар снился.

– А что снилось?

– Будто я Карцева убил.

– Зачем?

– Понятия не имею. Просто застрелил зачем-то.

– И все?

– Ну да.

– Ты вчера поздно пришел.

– Разве?

Кажется, Инна хмыкнула.

– Значит, пил.

– С чего ты решила?

– Раз не помнишь, во сколько пришел, точно пил.

– Ладно, выпил.

– Ого! Вот так новости! Ты вдруг правду сказал.

У него разболелись виски. Фёдор потер ладонью лицо и почувствовал запах перегара.

– Знаешь, – сказала Инна. – Как только ты приедешь, пойдём к наркологу. Считай, это ультиматум. Если откажешься, мы расстанемся. Вот так! Точка.

– Кстати, теперь я не знаю, когда приеду. Все-таки мне вчера предложили работу. Я остаюсь тут писать сценарий.

Инна немного помолчала.

– Врешь! Ты это сейчас специально выдумал. Чтобы остаться там и пить. Со своим сраным дружкой. А когда все пропьешь и надоешь ему, так сразу и припрешься. Но меня ты уже не найдешь.

– А где же ты будешь? – спросил Фёдор. – Переедешь?

– Оу, – сказала Инна. – Решил похамить?

– Надоело постоянно оправдываться.

Он встал с кровати, протопал в туалет и стал мочиться.

Инна в это время говорила ему в ухо обвинительную речь.

– Ты оправдываешься, потому что виноват! Ты все время косячишь! Косячишь, а потом юлишь. Ты специально делаешь мне больно. Пьешь, зная, как я к этому отношусь. А еще провоцируешь ревность.

– Вот поэтому я и не оправдываюсь сейчас. Потому что ни в чем не виноват.

– Ты сам признался, что пил вчера!

– Теперь жалею. Лучше бы соврал.

– Это бесполезно, Федя. Я тебя насквозь вижу.

Он смыл воду.

– Ты что, из туалета со мной разговариваешь? – спросила

Инна.

– Да, в туалет зашел. А что, терпеть?

– Надеюсь, хотя бы по-маленькому.

– Слушай, чего ты хочешь от меня?

– От тебя? Да мне от тебя вообще ничего не надо!

Инна отключилась. Фёдор успел умыться. Она перезвонила и прокричала:

– Больше ты никогда меня не увидишь! Понял?

– Инна, мне серьезная работа предстоит, а ты из меня душу выколачиваешь!

– Душу? А она у тебя есть?

– Господи боже мой! – заорал он.

Они ругались и пререкались еще примерно полчаса. Потом Инна остыла. А он выдохся.

– Я знаю, как проверить, что ты не врешь насчет работы, – сказала она. – Ты будешь присылать мне сценарий.

– Отлично! Вот и решение.

– Сегодня начнешь?

– Нет, конечно. Я даже договор еще не подписал. Да и не придумал пока ничего толкового.

– Даю тебе неделю.

– Хорошо, попробую через неделю что-нибудь прислать.

– Не надо пробовать. Просто напиши и пришли. Хотя бы пару страниц.

– Ладно.

– Я люблю тебя!

– И я тебя люблю!

Помаевшись, Фёдор спустился на улицу. Дождь все моросил. Народу в рюмочной было мало. Он взял сто грамм. «Сама виновата, – подумал он про Инну. – Нечего было мне мозгоebку устраивать».

Подошел мужик с синеватой щетиной на одутловатых щеках и в мятой коричневой шляпе.

– Вроде знакомы? – сказал он.

– Нет, – ответил Фёдор.

– Лукьянов.

– Кто?

– Я.

Фёдор промолчал. Хотелось поскорее выпить и чтобы никто не маячил поблизости.

– У меня на языке какая-то опухоль выросла сбоку, – сказал Лукьянов. – Посмотришь?

– Нет.

– Почему?

– Я не врач.

– А кто ты?

– Никто.

– Плохо быть никем. Зачем тогда жить?

– Мне нравится.

Лукьянов вытер пальцами сальный нос, дотронулся до шляпы.

– Ладно, пей, не тяни, смотреть уже невозможно.

Фёдор влил водку в рот и с легким отвращением проглотил. Она проползла по пищеводу будто кусок стекловаты и опустилась в желудок тяжелым комом. Он не сдержался и горько рыгнул.

– Приятного аппетита, – сказал Лукьянов и отошел.

«Мудак», – подумал Фёдор.

Заказал еще сто грамм и выпил, не отходя от раздачи. Никто не смотрел. Кассирша игралась со смартфоном. Прошло легче. Стало теплее и веселее.

Он вдруг почувствовал, как сильно любит Инну. Но до

чего же ему с ней тяжело и больно! Кто в этом виноват? Его дурь? Или ее дурь? Или им обоим хватает дури?

В легкой прострации Фёдор взял еще сотку, выпил в один присест, поднял ворот и вышел на улицу. Мир слегка перекосялся. Предметы утратили четкость. Легко на старые дрожжи и развезло сильнее, чем ожидал.

«Инна, Инна. О чем мне писать? А жить для чего?»

Захотелось повеситься, так чтобы всех прожгло от горя, когда узнают. Но пока поднимался в квартиру, забыл о своем желании и стал думать о Зофии. Почему-то он был уверен, что она не позвонит. И тогда вечером он похмельный сядет в поезд и уедет отсюда навсегда.

Зофия позвонила через пару часов. Он даже успел немного проспать.

– Разбудила вас? – спросила она.

– Нет-нет-нет, – ответил Фёдор.

И зачем-то встал с кровати. Будто она могла увидеть и уличить в обмане.

– А голос сонный, – сказала Зофия. – В любом случае пора просыпаться. День такой прекрасный! Поглядите в окно.

Фёдор послушно поглядел. День был такой же серый и неряшливый, как и утро. Он взял сигарету и закашлял до того, как успел прикурить.

– Давайте встретимся через час. Сможете? Успеете? Нет, через полтора часа. А то вдруг не сможете, не успеете.

– Хорошо, через полтора. Но и через час смогу, – сказал

Фёдор, прикурил и снова закашлял.

– Тогда через час.

– Напомните, пожалуйста, адрес офиса.

– А мы не в офисе встретимся. У входа в зоопарк. Знаете, где это? Могу такси вам заказать.

– Да я справлюсь. С такси-то.

– Вот и умница! Жду.

Она отключилась.

Фёдор сходил в душ и смыл остатки сна и опьянения. А выйдя, снова испытал обжигающее желание выпить. Внутри трепыхалась безумная черная птица. Она цеплялась когтистыми лапками за сердце, билась в животе, лезла в горло. Успокоить ее можно было только водкой. Имелась, правда, альтернатива – залезть под одеяло и лежать сутки напролет в невыносимой тошноте и кромешном ужасе, прислушиваясь к каждому шороху, моля Бога, чтобы проклятая птица наконец угомонилась.

Но валяться в кровати было некогда. Его ждала Зофия. И большая работа.

Зофия опаздывала. Фёдор прохаживался неподалеку от входа в зоопарк. У касс было пусто. Моросил мелкий, как пыль, дождь. Но время от времени откуда-то прилетали крупные капли и падали то на макушку, то за шиворот и сползали по хребту, гадко щекоча. Фёдор поглядывал на часы и тихонько насвистывал несуществующую мелодию, которую сочинял на ходу. Ему было хорошо и спокойно. Птица угомонилась. В кармане лежал плоскарик водки ноль двадцать пять. Это был второй. А первый он выпил по дороге, в четыре больших глотка, и оставил его на заднем сиденье такси. Вылез из салона, пританцовывая, направился к входу. Наступил в лужу, слегка запутался в ногах и чуть не упал. Все это не испортило ему настроения. Он выбрался на сушу и немного побоксировал с кем-то невидимым. Заметил настороженный взгляд проходившей мимо женщины и отправил ей воздушный поцелуй.

«Не веди себя как мудак!» – прозвучал в голове голос Инны.

«Ты же знаешь, как я тебя люблю, малышка», – ответил он.

Случись это на самом деле, она бы снесла его воплем разъяренной росомахи. А впрочем, такое случалось и на самом деле.

Зофия опоздала на сорок минут. Фёдор успел утомиться. Стоял сырой и нахохлившийся, сунув руки глубоко в карманы. Пальцами поглаживал полупустой плоскарлик. Жевал мятную жвачку, хоть и знал, что толку от этого никакого. «Все равно Инна... тьфу... София... Зофия учует водочный запах. Но что с того? Им ведь нужен сценарий, а не его трезвость. Пусть отдельно платят за трезвость. Будет потом что пропить. А-ха-ха-ха-ха!»

Он и вслух слегка хохотнул, увидев ее.

– Что, смешинка в рот попала? – спросила Зофия.

– Анекдот вспомнил, – сказал Фёдор.

– Не рассказывайте. Терпеть не могу анекдоты. В этом что-то старческое есть. А вы давно ждете?

Зофия прищурилась, и Фёдору показалось, что она тоже успела по пути вмазать.

«Прекрасно. Она алкоголичка. Не будет ни договора, ни сценария. А мы просто будем встречаться и вместе спиваться».

– Минут сорок жду, – сказал Фёдор.

– На черта вы так рано приехали?

– Всего-то минут на пять раньше приехал. Мы же через час договорились.

– Не через полтора разве?

Он неуверенно пожал плечами.

– Да и не важно, – сказала Зофия. – Я-то точно не опоздала.

– Куда пойдём? – спросил Фёдор.

– В зоопарк, конечно. Иначе зачем мы тут встретились?

Купив билеты, они зашли. Посетителей не было. Погода всех распугала. Да и клетки стояли пустые. От сырости и холода животные попрятались в норы.

– Бывали тут раньше? – спросила Зофия.

– Никогда.

– А я обожаю зоопарк. Знаете, тут шестьсот шестьдесят пять видов животных.

– Со мной вместе – шестьсот шестьдесят шесть, – сказал Фёдор.

«Так полезай в клетку, мудака», – вмешалась Инна.

Зофия взяла его под руку, ту, которой он ласкал плоскарик водки.

– А раз так, может, вы кого-нибудь изобразите?

– В смысле?

– Зверей-то нет, сами видите. Дождик всех разогнал. А мне хочется на кого-нибудь посмотреть.

– Кого вам показать? – спросил Фёдор.

– Откуда мне знать? Вы писатель, у вас фантазия хорошо работает. Подумайте.

Он остановился и высвободил руку.

– Так, ладно, сейчас.

Фёдор изо всех сил вытянул шею, так что заболело под кадыком, вытаращил глаза и длинно каркнул.

– Что это было? – спросила Зофия.

– Жираф, – ответил он.

– Они разве так кричат?

– По-моему, они вообще не кричат.

– Изобразите еще кого-нибудь. Медведя! Хочу медведя!

Расставив пошире ноги, Фёдор слегка присел, поднял руки, растопырил пальцы и истошно зарычал. Вдруг показалось, что она сейчас врежет ему по яйцам, и Фёдор быстро прервал представление. Зофия хихикнула.

– Еще показать?

– Конечно!

– Кого?

– Розовый фламинго!

Фёдор вытянул руки в стороны и побежал на полусогнутых ногах по дорожке, мимо клеток. Сделал крутой разворот, будто атакующий штурмовик, и вернулся назад. Зофия слегка поаплодировала.

– Конечно, это был никакой не фламинго, а кондор скорей, но мне нравится.

Подумав, что после этих закидонов стесняться уже нечего, Фёдор достал водку.

– Хм, – сказала Зофия и вытащила из сумки фляжку «джемесаона».

Тихонько чокнувшись, они выпили. Точнее, Зофия сделала два маленьких глоточка, а Фёдор влил в глотку все, что было.

– Вы плохого не подумайте, – сказал он, отдышавшись.

– Чего, например?

– Что я алкаш.

– Считаете, что не алкаш?

– Выпить я люблю. Только и всего. Но я ведь делом занят.

Книги пишу и все такое.

– Когда последнюю написали?

– Как раз сейчас работаю.

– А вам это не мешает писать сценарий?

– Вообще не проблема. Могу хоть три писать одновременно. Можно мне немного виски вашего?

Она протянула, и Фёдор сделал средний глоток, поборов искушение сделать большой. Вернул фляжку и подумал, что хорошо бы поскорей уйти отсюда и выпить, сидя в тепле.

– У вас есть агент? – спросила Зофия.

– Я и есть агент, объем ноль семь.

«Потише», – подумал Фёдор, но толком не расслышал.

– Ладно, – ответила Зофия. – Сами разберетесь. Ничего сложного там нет. Подписывали же вы договоры с издательствами.

Она достала из сумки тонкую стопочку желтоватой бумаги в файлике.

– Читайте внимательно.

Фёдор зевнул. Текст проносился мимо, как скоростной поезд, а суть ускользала, будто лица пассажиров в окнах вагонов. Но кое-что он сумел выхватить. Первый вариант сценария он должен сдать через шестьдесят дней. Когда рабо-

та будет утверждена, он получит два с половиной миллиона. Аванс двести пятьдесят тысяч ему выплатят в течение десяти дней после подписания. Остальное не имело значения. Таких денег он не получал... Фёдор задумался и понял, что никогда не получал разом таких сумм.

– Можем подписывать, – сказал он.

– И что, нет никаких замечаний, пожеланий, предложений? – спросила Зофия.

Тон ее показался ему чуть насмешливым.

– Есть одно пожелание. Можно еще виски?

Она протянула фляжку.

– Оставьте уж.

Он выпил все и сунул ее в карман.

– Думала, вы будете пару дней изучать, – сказала Зофия. – Это вообще черновик. Но раз вы со всем согласны, пришлите мне ваши паспортные данные, ИНН, СНИЛС, я внесу в договор. И подпишем.

Фёдор достал смартфон, отыскал в заметках выписки из документов, скопировал и переслал Зофии.

– Какой вы быстрый, – сказала она.

Они подошли к бассейну белого медведя. Но и он куда-то спрятался.

– Вы только не запейте, когда получите аванс, – сказала Зофия, задумчиво глядя на воду.

– Я серьезный человек, – ответил Фёдор.

И подумал: «Я уже запил. Разве не видно?»

– Надеюсь. А то Игорь Игоревич расстроится, если вы не оправдаете его ожиданий. Он на вас рассчитывает. Ждет от вас шедевра.

– Могу и шедевр.

– Игорь Игоревич сказал, что вы придумали историю про дирижабль.

– Дирижабль? – повторил Фёдор.

– Именно. Его это, кажется, сильно заинтриговало. Он любит интриговаться. Вы его, можно сказать, купили этим.

Фёдор почесал влажный затылок.

– Что-то я такого не помню.

– Ну не знаю. Я же не слышала ваш разговор. Черт! – Она стукнула кулачком по ограде. – Где же медведь?

– Хотите, покажу?

– Вы уже показывали.

– То был бурый. А это будет белый.

– Ну покажите, – пожала она плечами.

Фёдор встал на четвереньки, удержал равновесие, вытянул голову вперед и зарычал. Зофия хмыкнула. Мимо них прошел невысокий плотный мужчина лет шестидесяти с рыжеватой бородой. Он насмешливо глянул на Фёдора и чуть заметно кивнул. Продолжая стоять на четвереньках, Фёдор смотрел ему вслед.

– У вас что, спину защемило? – спросила Зофия.

– А? – дернулся он.

– Спину, говорю...

Фёдор подскочил. Этот бородач был писатель Каргополов.

– Знаете, кто это сейчас прошел? – спросил он.

– Без понятия. Кстати, белый медведь у вас неплохо получился. Только колени вы испачкали.

– Это Каргополов, – сказал Фёдор, не обращая внимания на колени.

– Первый раз слышу.

– Иван Каргополов.

– Если уж фамилия мне ни о чем не говорит, имя тем более.

– Он писатель.

– Коллега ваш?

– Мудила он, а не коллега.

– Ну вам виднее. Фёдор, давайте уйдем отсюда. Можем сесть где-нибудь, если хотите. Вы внимательнее прочтаете договор.

– Ага, – сказал Фёдор и бросился за Каргополовым.

– Эй! – удивленно крикнула Зофия.

Фёдор догнал Каргополова у выхода. Удар был подготовлен заранее. Еще в обеденном зале «Астории», где Фёдор заливал водкой свое поражение. С разбегу, будто футболист, бьющий решающий пенальти, он впечатал грязный ботинок в зад Каргополова. Хрюкнув, тот взмахнул руками, пробежал несколько шагов вперед и грохнулся ничком. Фёдор навис над ним, дыша и не зная, что делать дальше.

Не торопясь подошла Зофия. Откуда-то прибежал охран-

ник, сделал вокруг них несколько суетливых кругов и остановился рядом с Фёдором. Невнятно бормоча, Каргополов встал на карачки и потряс головой.

– Группа задержания выехала, – сказал охранник и погладил грудь.

– Что это было, Фёдор Андреевич? – сказала Зофия.

Фёдор дернул плечом. И спросил:

– Сколько вам лет?

– Двадцать два, – ответила она мрачно.

«В дочери мне годится», – подумал Фёдор.

Каргополов выпрямился. Борода растрепалась, ко лбу прилип маленький желтый листик.

– Дуэль, – сказал он.

– Чего? – спросил Фёдор.

– Свинья!

Он вдруг плюнул Фёдору в лицо, но не доплюнул. Следом швырнул заскорузлый носовой платок, зажигалку и горсть карамелек. И ни разу не попал. Погрозив кулаком, невнятно проматерившись, Каргополов убежал к выходу.

– Идемте, – сказала Зофия.

– Все стоят на месте! – нервно объявил охранник.

Фёдор прошел мимо, задев его плечом.

15

– Так что это было? – повторила Зофия.

Они устроились в кафе неподалеку от зоопарка. Крепкого спиртного там не продавалось. Фёдор взял бокал пива. Зофия заказала капучино.

– Глупость, наверно, – сказал Фёдор. – В голову стукнуло.

– Он у вас жену, что ли, увел?

– Долго рассказывать.

– Очень уж любопытно, – сказала Зофия.

– Он плохой писатель, – пожал плечами Фёдор. – И плохой танцор.

– И все?

– И все.

– Умеете интриговать. – Она поправила волосы. – Договор еще раз почитаете?

Фёдор вяло отмахнулся:

– Мне уже не терпится аванс получить и начать писать.

– А я где-то читала, что нельзя писать только ради денег.

– Можно. Это называется ремесло.

В кафе зашли двое полицейских.

– Да вон он, – сказал один и показал на Фёдора рукой.

С плеча соскользнул автомат и грохнулся об пол. Полицейский спокойно подобрал его и вернул на место. Но Фёдор успел представить, как тот, упав, выдал длинную очередь и

снес ему и Зофии черепа. Почему-то это показалось смешным. Фёдор хмыкнул и допил пиво.

– Кажется, это за мной, – сказал он.

– Да уж я поняла, – ответила Зофия.

Полицейские подошли.

– Документы предъявите, пожалуйста, – сказал автоматчик.

Его напарник пялился на Зофию.

Фёдор протянул паспорт.

– В зоопарке были сейчас? – спросил автоматчик.

– Был, конечно. Будто вы сами не знаете.

– Ну тогда идем.

Он сунул паспорт в карман. Фёдор встал.

– В тюрьме сможете писать? – спросила Зофия.

– Буду как маркиз де Сад.

Автоматчик слегка подтолкнул его в спину:

– Иди-иди, маркиз.

– Провожать не буду, – сказала Зофия. – Договор пришлю вечером.

На улице их встретил охранник из зоопарка. Каргополова не было.

– Этот? – спросил напарник автоматчика.

– Ну конечно, этот. Я же показал в окно.

Фёдор достал сигареты. Полицейские тоже закурили.

Охранник топтался в стороне.

– Так что, я пойду?

– Ага, вызовем, – сказал автоматчик и посмотрел на Фёдора. – Я не тебя в прошлый четверг из блядюжника на Карповке забирал?

– Не меня, – сказал Фёдор. – Адрес дадите?

– Ишь ты, – хмыкнул напарник. – Там же одни сифилитики собираются.

Вышла Зофия.

– Ой, вы тут еще?

– Давайте поцелуемся, – предложил Фёдор. – На прощание. Когда теперь увидимся?

– Не, не будем. К тому же вечером вас выпустят.

– Значит, вечером поцелуемся?

– Вечером я занята.

Фёдор кинул окурок в урну и сам залез в бело-синий УАЗ. Следом сели полицейские, и в салоне завоняло табачищем.

– Вот, огорчил девушку, – вздохнул автоматчик.

В отделе Фёдору вывернули карманы, оформили и заперли в небольшой камере. Там сидели двое. Интеллигентного вида мужчина с утомленным и мятым лицом, явно страдающий похмельем. И бомжеватый тип со светлыми глазами.

– Милости просим, – сказал бомжеватый тип, протягивая морщинистую ладонь. – Коля, поэт-верлибрист.

«Только этого не хватало», – подумал Фёдор.

– Антон, – выдохнул интеллигентного вида мужчина и схватился трясущимися руками за лицо. – Как же херово!

Между растопыренных пальцев блеснул его безумный

глаз.

– Ничего нет?

Фёдор пожал плечами:

– Откуда?!

И подумал, что скоро и сам будет в таком же состоянии. Стало тоскливо. Он сел на лавочку.

– Звать-то тебя как? – спросил Коля.

– Фёдор.

– А занимаешься чем?

– Ничем, – ответил Фёдор.

– Вижу, ты добрый человек. Не злодей. Я тоже не злодей. Будь я злодей, здесь бы не сидел.

– Заткнись, – простонал Антон. – Заткнись уже, ради бога!

– И ты не злодей, – добродушно ответил Коля. – Мы тут собрались добрые, честные люди...

– Сука, ты без штанов перед роддомом бегал, – сказал Антон.

– Бес попутал, с кем не бывает, – пожал плечами Коля. – А вообще, я очень нежный.

Фёдор отодвинулся.

– Федя, давай я тебе стихотворение прочитаю. Чем еще в тюрьме заниматься нам, благородным людям?!

– Нет, спасибо, – ответил Фёдор. – Я не люблю стихи. Ничего в них не смыслю.

– Называется «Уроды тоже хотят любви».

Антон схватился за голову:

– Если хоть слово скажешь, я тебя убью.

– Это же про всех нас, – сказал Коля. – Ну что ты? Вот послушай: «Я стою у зеркала и смотрю на свои бородавки, которыми покрыто все мое несчастное, брэнное тело...»

Лязгнул засов. В камеру заглянул полицейский:

– Выходи, онанист сушеный.

– Я, да? – уточнил Коля и вышел.

Антон лег на лавку и обхватил себя руками. Его колотило.

– Убил бы за стакан, – простучал он зубами.

Фёдор тоже лег и уставился в потолок. Спустя час вернулся полицейский и увел Антона. Тот с трудом переступил порог. Еще через полчаса Фёдор почувствовал, что птичка проснулась и заметалась под ребрами. Он ворочался, стиснув зубы. В камеру зашел благообразный и немного испуганный старик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.